

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161

EDN: HWFAWY

Достоевский и Гинденбург: литературный текст в биографическом контексте

Е. Ю. Сафронова

Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А. В. Хрулева

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: esafr@mail.ru

Аннотация. В статье систематизированы известные и приведены забытые факты о жизни и деятельности Василия (Вильгельма) Даниловича Гинденбурга, врача из Минска, немца по происхождению. Образ жизни и судьба этого человека были важны для Достоевского в осмыслении таких фундаментальных вопросов, как смысл жизни, роль личности в истории, поиски решения межнациональных конфликтов. О докторе Гинденбурге Достоевский узнал из письма своей знакомой Софьи Ефимовны Лурье, девушки из еврейской семьи, дочери минского банкира, студентки Петербургских женских педагогических курсов. В дальнейшем описанию истории доктора писатель посвятил две подглавки «Дневника Писателя» за март 1877 г. Подвиг Гинденбурга, в течение 58 лет спасавшего людские жизни во время эпидемий, родов, в тюрьмах, виделся Достоевскому примером христианского смирения, залогом согласия и единства. Похороны доктора сплотили всех жителей города Минска, разрушив возрастные, сословные и национальные границы. В Приложении сделана републикация статьи Р. В. Плетнева «Достоевский и Гинденбург», вышедшей в эмигрантской газете «Руль» (Берлин, 6–7 февраля 1931 г.). В этом тексте представлены новые сведения о минском докторе по воспоминаниям свидетельницы событий, его племянницы Сабины Самойловны Даниэль (урожд. Гинденбург). Плетнев также впервые высказал мысль о том, что образ врача Герценштубе в романе «Братья Карамазовы» создавался Достоевским путем соединения историй московского доктора Ф. П. Гааза и Гинденбурга. Автор статьи, развивая идеи Достоевского, повествует также о друге Гинденбурга — еврее-меценате Зельдовиче, которому врач у смертного одра завещал заботиться обо всех бедных. Деятельная и подвижническая жизнь доктора стала для Достоевского примером истинного служения человеку и человечеству.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. Гинденбург, Ф. П. Гааз, доктор Герценштубе, С. Е. Лурье, Дневник Писателя, Р. В. Плетнев, биография, общечеловек

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002 «Языковая личность в региональном социокультурном пространстве: режимы производства локального знания о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского».

Для цитирования: Сафронова Е. Ю. Достоевский и Гинденбург: литературный текст в биографическом контексте // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 3. С. 78–115. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161. EDN: HWFAWY

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161

EDN: HFWAWY

Dostoevsky and Hindenburg: a Literary Text in a Biographical Context

Elena Yu. Safronova

Russian Military Academy of Logistics named after A. Khrulev

Engineering Insitute

(St. Petersburg, Russian Federation)

e-mail: esafr@mail.ru

Abstract. The article systematizes the known and forgotten facts about the life and work of Vasily (Wilhelm) Danilovich Hindenburg, a doctor from Minsk, a German by birth. The lifestyle and fate of this man were important for Dostoevsky in understanding such fundamental issues as the meaning of life, the role of a person in history, and the search for solutions to interethnic conflicts. Dostoevsky learned about Dr. Hindenburg from a letter from his friend Sophia Efimovna Lurie, a girl from a Jewish family, the daughter of a Minsk banker, a student of St. Petersburg Women's Pedagogical Courses. Later, the writer devoted two sub-chapters of the *Writer's Diary* from March 1877 to the description of the doctor's story. The feat of Hindenburg, who has saved human lives during epidemics, childbirth, in prisons for 58 years, was seen by Dostoevsky as an example of Christian humility, a pledge of harmony and unity. The doctor's funeral united all residents of Minsk, destroying age, class and ethnic borders. The Appendix contains a republication of R. V. Pletnev's article "Dostoevsky and Hindenburg," published in the emigrant newspaper "Rudder" (Berlin, February 6–7, 1931). This publication presents new information about the Minsk doctor from the memoirs of a witness to the events, his niece Sabina Samoilovna Daniel (nee Hindenburg). Pletnev also was the first to suggest that the image of the doctor Herzenstube in the novel "The brothers Karamazov" was created by Dostoevsky by combining the story of the Moscow doctor Haaz and the story of Hindenburg. Author of the article, develops Dostoevsky's ideas, also telling the story of Hindenburg's friend, the Jewish philanthropist Zeldovich, to whom the doctor at his deathbed bequeathed to take care of all the poor. The doctor's active and ascetic life became an example of true service to man and humanity for Dostoevsky.

Keywords: F. M. Dostoevsky, W. Hindenburg, F. P. Haaz, Dr. Herzenstube, S. E. Lurie, A *Writer's Diary*, R. V. Pletnev, biography, obschechelovek, universal man

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the RFBR and the Kemerovo region within the framework of the scientific project no. 20-412-420002 "Linguistic personality in the regional socio-cultural space: modes of production of local knowledge about the life and work of F. M. Dostoevsky".

For citation: Safronova E. Yu. Dostoevsky and Hindenburg: a Literary Text in a Biographical Context. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 3, pp. 78–115. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161. EDN: HFWAWY (In Russ.)

Доктор медицины, штаб-лекарь и акушер Вильгельм Гинденбург

Достоевский, гениальный писатель-романист, формирующий общественное мнение публицист и издатель, был интересным собеседником, психологом и пророком, способным понять характер человека, предугадать его поступки и судьбу. Многие из его современников невольно попадали в «орбиту» творчества Достоевского, становясь прототипами его героев, а обстоятельства их личной жизни переплавлялись в художественный материал.

Услышанные и прочитанные рассказы о выдающихся людях Достоевский использовал в «Дневнике Писателя», знакомя своих читателей с этими личностями и связанными с ними значимыми событиями. Одним из таких героев для Достоевского стал врач В. Д. Гинденбург (см. *Илл. 1*).

Илл. 1. Доктор Вильгельм Гинденбург (предположительно 1871 г.)¹

Fig. 1. Dr. Wilhelm Hindenburg (presumably 1871)

Василий (Вильгельм) Данилович Гинденбург (нем. Willhelm Hindenburg) родился и умер в Минске (1799–1877). Его семья принадлежала к выходцам из Пруссии. Медицинское образование он получил в Виленском университете (1816–1821). В дальнейшем служил уездным врачом в г. Ельне Смоленской губернии, где среди многих других пациентов лечил юного Михаила Ивановича Глинку, будущего известного композитора, который спустя годы в своих «Записках» с любовью вспоминал «добраго нашего уѣзднаго доктора Вильгельма Даниловича Гинденбурга»².

В 1832 г. Гинденбург вернулся в Минск, где работал врачом. В 1830–1831 и 1863–1864 гг. привлекался в качестве военного врача, был членом Минского медицинского общества и некоторое время исполнял обязанности его председателя. К пятидесятилетию профессиональной деятельности Гинденбурга в Минской мужской гимназии была учреждена стипендия его имени.

Вильгельм Гинденбург был дважды женат. От первого брака родился (1833) сын Леопольд, который пошел по стопам отца: работал главным доктором

¹ Источник фото: [Снапковский: 72].

² Записки Михаила Ивановича Глинки. 1804–1854. Ч. 1 / под ред. В. В. Никольского. [Из журн.: Русская Старина. 1870. Т. 1–2]. 2-е изд. С. 356.

Старо-Екатерининской больницы в Москве, дослужился до чина действительного статского советника. Сын от второго брака Вильгельм (1851 г. р.) стал судебным чиновником [Снапковский: 79]. Вторая жена Розалия Александровна подарила мужу, кроме сына, еще двух дочерей³.

«Тесно связавший свою судьбу с родным Минском акушер Вильгельм Данилович Гинденбург был известен среди горожан не только как хороший врач, но и как деятельный член Минского евангелическо-лютеранского общества», — утверждает Ю. Н. Снапковский, главный архивист Национального исторического архива Беларуси [Снапковский: 75]. В этом отношении показательна роль доктора в истории церкви (см. *Илл. 2*):

«Для немцев-протестантов, известных своей трудолюбивой этикой и практическим христианским благочестием, кирха являлась не только местом проведения богослужений, но еще и фактором сохранения духовно-этической общности. После того как в 1835 г. во время большого пожара Минская кирха сгорела, акушер Гинденбург, с самых ранних лет жизни бывший ее прихожанином, принял активнейшее участие в ее восстановлении...» [Снапковский: 75].

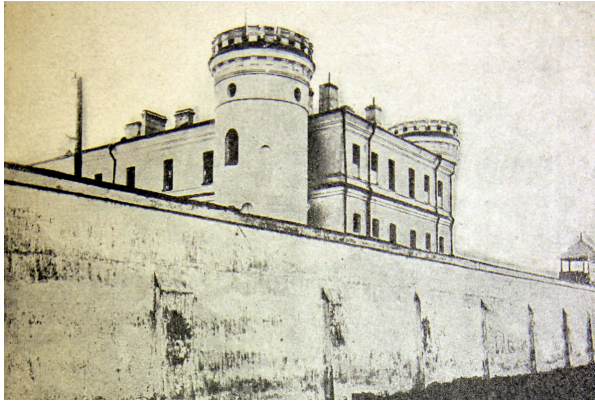
Илл. 2. Лютеранская церковь в Минске⁴

Fig. 2. Lutheran Church in Minsk

³ Формулярный список о службе акушера Минской врачебной управы коллежского советника В. Д. Гинденбурга от 22.06.1862 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 299 (Минское губ. правление). Оп. 3. Д. 2044. Л. 3–8. Цит. по: [Снапковский: 79].

⁴ Источник фото: РНБ. Э ОТ63/М622, Эм16592. Ліхадзедаў У. Мінск. Падарожжа ў часе. Менск: Выдавецкі дом «Звязда», 2015. С. 150. Дата: до 13 апреля 1901 г. [Электронный ресурс]. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mienskaja_kircha._Менская_кірха_\(1901\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mienskaja_kircha._Менская_кірха_(1901).jpg) (03.02.2022).

Доктор одним из первых пожертвовал три рубля серебром, подав пример городской общественности. Лютеранское общество «избрало трех своих членов — акушера Гинденбурга, аптекаря Ланге и фортепианного мастера Фота — для организации строительства кирпичного здания Минской кирхи "хозяйственными мерами"» [Снапковский: 75]. За 8 лет, к 1843 г., минская лютеранская церковь была восстановлена, в т. ч. и стараниями В. Д. Гинденбурга.

Илл. 3. Тюремный (Пищаловский) замок, где вспыхнула эпидемия, ставшая причиной смерти доктора Гинденбурга⁵

Fig. 3. Prison (Piščalovsky) castle, where the epidemic that caused Dr. Hindenburg's death broke out

Описанное позже в «Дневнике Писателя» прощание с доктором Гинденбургом происходило в кирхе евангелически-лютеранского прихода, к которому он принадлежал всю жизнь⁶. Один из современников события барон фон Роткирх оставил свидетельство о масштабности его похорон:

«Я не помню в Минске погребения торжественнее похорон доктора Гинденбурга. Сопровождавшие погребальный кортеж тысячные толпы народа плакали навзрыд. Непритворные слезы этих бедняков, оборвышей, нищих красноречиво, без слов, говорили, чем был Гинденбург для минского народонаселения⁷.

⁵ Источник фото (1927): [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Miensk,_Piščalaŭski_zamak._Менск,_Пішчалаўскі_замак_\(1927\)_2.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Miensk,_Piščalaŭski_zamak._Менск,_Пішчалаўскі_замак_(1927)_2.jpg) (03.02.2022).

⁶ Некоторые исследователи ошибочно утверждают, что В. Д. Гинденбург принадлежал к иудейской религии (см.: [Мондри]). Однако архивные документы позволяют однозначно говорить о том, что он был лютеранин.

⁷ Памяти доктора Гинденбурга // Воспоминания Теобальда. Вильна, 1890. Ч. 2. Гл. X. С. 88–92. Цит. по: [Снапковский: 78].

Характеризуя усопшего, барон Роткирх высказался следующим образом:

«Это был честнейший и добрейший человек, оптимист, идеалист; он даже не подозревал в человеке ничего дурного, но видел в нем одно совершенство, чистое создание, вышедшее из рук Божиих для счастья себе подобных»⁸.

К сожалению, ни кирха, ни могила замечательного врача не сохранились, «поскольку через 100 лет после его смерти старое и заброшенное лютеранское кладбище в Минске сравнивали с землей, а на его месте (по улице Карла Либкнехта — бывшей Немецкой, или Мало-Лютеранской) разбили сквер» [Снапковский: 79], получивший название Лютеранский.

Достоевский и Софья Лурье о Гинденбурге

В мартовском номере «Дневника Писателя» 1877 г. в I и II подглавках третьей главы Достоевский рассказывает о докторе Гинденбурге и его похоронах «в городе М.». Об этом человеке публицист узнал из письма своей знакомой Софьи Ефимовны Лурье (1858–1895), девушки из еврейской семьи, дочери минского банкира, студентки Петербургских женских педагогических курсов (см. *Илл. 4*).

Илл. 4. Софья Ефимовна Лурье⁹

Fig. 4. Sofya Efimovna Lurie

⁸ Памяти доктора Гинденбурга. Цит. по: [Снапковский: 79].

⁹ Источник фото: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29768. Л. 30.

После первого обмена письмами в Петербурге состоялось личное знакомство Достоевского и Лурье, «скорее всего, в конце апреля 1876 г. Позже писатель ошибочно отнесет его к зиме 1876 г.» [Ипатова: 206]¹⁰. Потом было еще несколько встреч (см.: [Летопись; т. 3: 106]; *Д30*; т. 23: 51). Девушка обращалась к любимому писателю за советами: что читать, ехать ли в Сербию ухаживать за ранеными, за кого выходить замуж и т. д.¹¹

Весь корпус сохранившейся переписки насчитывает девять писем С. Лурье¹² и три письма к ней Достоевского¹³. Некоторые конверты содержат пометы Достоевского [Рукописное наследие: 475–476]. Из контекста первого ответного письма Достоевского от 16 апреля 1876 г. и по штемпелю на сохранившемся конверте от письма, посланного ею 17 (29) июля 1876 г. в Эмс, можно заключить о существовании еще как минимум двух писем Лурье к писателю [Летопись; т. 3: 85, 112]. По воспоминаниям сына С. Лурье, профессора теоретической физики Калифорнийского института технологии (США) Поля Эпштейна, писем писателя, хранившихся в архиве его матери, изначально было как минимум десять [Ипатова: 207–208]¹⁴.

Письма С. Лурье из Минска, как и редкие личные встречи в Петербурге, послужили автору материалом для публицистического творчества. Так, визит 29 июня 1876 г., в ходе которого обсуждалась идея Софьи Лурье стать сестрой милосердия и поехать помогать раненым в Сербию, вдохновил Достоевского на создание заключительной главки «Опять о женщинах» июньского номера «Дневника Писателя» за 1876 г. [Летопись; т. 3: 106]. В ней он рисует образ в духе героинь Жорд Санд: «Тут была единственно лишь жажда жертвы, подвига, доброго дела и, главное, что всего было дороже, — никакого тщеславия, никакого самоупоения, а просто желание — "ходить за ранеными", принести пользу» (*Д30*; т. 23: 52). Первоначально Достоевского восхитил «весьма решительный», «прямой, честный, но неопытный юный женский характер, с <...> гордым целомудрием» (*Д30*; т. 23: 51, 53).

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 51; Т. 25. С. 392. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

¹¹ Подробнее о взаимоотношениях корреспондентов и об истории их переписки см.: [Ипатова].

¹² Места хранения автографов: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29768 (8 писем, 7 конвертов); ОР РГБ. Ф. 93.П.6.31 (1 письмо; конверт, по указанию «Летописи...»), — РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30684 [Летопись; т. 3: 213]). Письма от 25 апреля, 15 августа, 27 сентября 1876 г., 13 февраля, 28–29 марта, 7 мая, 14 июля, 2 сентября, между 6 и 28 ноября 1877 г. См.: [Описание: 418–419], [Летопись; т. 3: 87, 120, 130, 174, 188–189, 202, 213, 218, 240–241], [Волгин: 181–182], [Ипатова], [ЭНД], [Проблемы текстологии: 333, 367–369, 378–379, 437–439, 481–484, 525–530, 536–537, 539–544, 552–553, 605–606].

¹³ Автографы не сохранились. Места хранения списков, рукой А. Г. Достоевской: ОР РГБ. Ф. 93.П.6.31. Письма от 16 апреля 1876 г., 11 марта и 17 апреля 1877 г. См.: [Описание: 226], [Рукописное наследие: 349–350], [Летопись; т. 3: 85–86, 182, 194], [Ипатова: 207], [ЭНД].

¹⁴ См. также «Список несохранившихся и найденных писем 1835–1859 годов»: *Д30*; т. 29: 318, 319, № 339, 342. Ср.: [Летопись; т. 3: 210, 217].

Однако спустя время отношение Достоевского к девушке изменилось: «Переписка эта продолжалась более полутора лет (апрель 1876 г. — ноябрь 1877 г.), за которые "руководство", понимание и сочувствие Достоевского сменились к концу на раздражение, резкость и неприятие по поводу ее "необразованности", "неразвитости", "неумения и нежелания учиться жить" и т. д. (см. письмо Лурье от 2 сентября 1877 г.)» [Ипатова: 207].

Предметом настоящей статьи стала история врача Гинденбурга, какой она предстает в письмах Софьи Лурье, на страницах «Дневника Писателя» Достоевского и в заметках Р. В. Плетнева.

Письмо корреспондентки от 13 февраля 1877 г. было посвящено описанию значимого для Минска события — похоронам доктора Гинденбурга. В ответном письме от 11 марта 1877 г. Достоевский похвалил адресата: «...какое милое письмо!» — и уведомил, что «Вашим доктором Гинденбургом и Вашим письмом (не называя имени) я непременно воспользуюсь для "Дневника". Тут есть что сказать» (ДЗ0; т. 29₂: 147). Отвечая на него 28–29 марта, С. Лурье соглашалась: «Я буду очень довольна если Вы въ своемъ "Дн<евникъ"> Пис<ателя>" помянете Гинденбурга, если Вамъ угодно, то поставьте всю его фамилию, для него еще больше чести если больше людей будутъ о немъ знать, да и имъ не хуже...» (см.: [Проблемы текстологии: 483], ср.: ДЗ0; т. 29₂: 285).

Текст письма Софьи Лурье (точнее первой его части) был использован Достоевским как наборная рукопись и озаглавлен «Похороны общечеловека». Автор, по сравнению с оригинальным текстом письма, в публикации сделал более 20 мелких исправлений, в основном стилистического характера: например, осуществил перестановку или замену слов (громадный / огромный, хоронить / похоронить), текст выделил петитом и т. п.¹⁵ Приведем его.

«I. Похороны "Общечеловѣка"»

<...> Однако хочу привести теперь одно письмо, уже не анонима, а весьма знакомой мнѣ г-жи Л., очень молодой дѣвицы, еврейки, съ которой я познакомился въ Петербургѣ и которая пишетъ мнѣ теперь **изъ М.** Съ уважаемой мною г-жею Л. мы никогда почти не говорили на тему о "еврейскомъ вопросѣ", хотя она, кажется, изъ строгихъ и серьезныхъ евреекъ. Вижу, что очень странно подошло письмо это къ сейчасъ только дописанной мною цѣлой главѣ о евреяхъ <...>. Пусть извинитъ меня великодушно г-жа Л., что я позволяю себѣ передать здѣсь ея словами всю ту часть письма ея о похоронахъ **доктора Гинденбурга въ М.**, подъ первымъ впечатлѣніемъ которыхъ она и написала эти столь искреннія и трогательныя въ правдѣ своей строки. <...>

"Это я пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ похороннаго марша. Хоронили **доктора Гинденбурга** 84-хъ лѣтъ отъ роду. Какъ протестанта его сначала отвезли въ кирку, а уже затѣмъ на кладбище. Такого сочувствія, такихъ отъ души вырвавшихся словъ, такихъ горячихъ слезъ я еще никогда не видѣла при похоронахъ... Онъ умеръ въ такой бѣдности, что не на что было похоронить его.

¹⁵ См.: (ДЗ0; т. 30₂: 110), [ЭНД], [Ипатова: 211].

Уже 58 лѣтъ какъ онъ практикуетъ въ М... и сколько добра онъ сдѣлалъ за это время. Еслибъ вы знали, Ѳедоръ Михайловичъ, что это былъ за человѣкъ! Онъ былъ докторъ и акушеръ; его имя перейдетъ здѣсь въ потомство, о немъ уже сложились легенды, весь простой народъ звалъ его отцомъ, любилъ, обожалъ и только съ его смертью понялъ, что онъ потерялъ въ этомъ человѣкѣ. Когда онъ еще стоялъ въ гробу (въ церкви) то не было кажется ни одного человѣка, который бы не пошелъ поплакать надъ нимъ и цѣловать его ноги, въ особенности бѣдныя еврейки, которымъ онъ такъ много помогалъ, плакали и молились, чтобъ онъ попалъ прямо въ рай. Сегодня пришла бывшая наша кухарка ужасно бѣдная женщина и говорить, что при рожденіи послѣдняго ея ребенка, онъ видя, что ничего дома нѣтъ, далъ 30 к. чтобъ сварить супъ, а затѣмъ каждый день приходилъ и оставлялъ 20 к., а видя, что она поправляется, прислалъ пару куропатокъ. Также будучи позванъ къ одной страшно бѣдной родильницѣ (такія къ нему и обращались) онъ видя, что не во что принять ребенка, снялъ съ себя верхнюю рубаху и платокъ свой (голова у него была повязана платкомъ) разорвалъ и отдалъ.

Еще вылечилъ онъ одного бѣднаго еврея дровосѣка, затѣмъ заболѣла его жена, затѣмъ дѣти, онъ каждый Божій день пріѣзжалъ 2 раза и когда всѣхъ поставилъ на ноги, спрашиваетъ еврея: чѣмъ ты мнѣ заплатишь? Тотъ говоритъ, что у него ничего нѣтъ, только послѣдняя коза, которую онъ сегодня продастъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, продалъ за 4 р. и принесъ ему деньги, тогда докторъ далъ лакею своему еще 12 р. къ этимъ 4-мъ и отправилъ купить корову, а дровосѣку велѣлъ идти домой, черезъ часъ тому приводятъ корову и говорятъ, что докторъ призналъ козье молоко для нихъ вреднымъ.

Такъ онъ прожилъ всю свою жизнь. Бывали примѣры, что онъ оставлялъ 30 и 40 р. у бѣдныхъ; оставлялъ и у бѣдныхъ бабъ въ деревняхъ.

За то хоронили его какъ святаго. Всѣ бѣдняки заперли лавки и бежали за гробомъ. <...> Во всѣхъ синагогахъ молились за его душу, также колокола *всѣхъ* церковей звонили во все время процессіи. Былъ хоръ военной музыки, да еще еврейскіе музыканты пошли къ сыну усопшаго, просить, какъ чести, позволенія играть во все время процессіи. Всѣ бѣдные принесли кто 10, кто 5 к., а богатые евреи дали много и приготовили великолѣпный, огромный вѣнокъ свѣжихъ цвѣтовъ <...>.

Надъ его могилой держали рѣчь пасторъ и еврейскій раввинъ и оба плакали, а онъ себѣ лежалъ въ старенькомъ, истертомъ вицѣ мундирѣ, старымъ платкомъ была обвязана его голова, эта милая голова и казалось онъ спалъ, такъ свѣжъ былъ цвѣтъ его лица...»¹⁶.

Здесь Достоевский использовал прием полифонического изображения важного события — похорон известного доктора. Подглавка I «Похороны общечеловека» состоит из небольшого введения, где писатель рассказывает историю получения частного письма от своей знакомой. Из этических соображений имя корреспондентки, дочери еврейского банкира, Софьи Лурье сокращено до первой буквы фамилии — «госпожа Л.». Существенно, что это письмо еврейки, словно высказывающейся от лица всей диаспоры. Название города Минск Достоевский также сократил до начальной буквы. Криптоним,

¹⁶ См.: Достоевскій Ѳ. М. Дневникъ Писателя. 1877 г. Мартъ. Гл. 3. С. 80–81. (Курсив Достоевского, выделение полужирным наше. — Е. С.). Ср.: Д30; т. 25: 89–90.

созданный путем усечения номинации до заглавной буквы, что маркировано точкой, — имя города, сознательно зашифрованное автором в художественном тексте. По тому же принципу ранее автор зашифровывал Барнаул — как город «Б-л» в письмах (ДЗ0; т. 28; 240) и «городок Б.» — в романе «Село Степанчиково» (ДЗ0; т. 3: 20), и Кузнецк — как «городок К.» в «Записках из Мертвого Дома» (ДЗ0; т. 4: 6). «Город М.» в «Дневнике Писателя» вполне узнаваем и легко поддается дешифровке — это «большой губернский город в западном крае», город многонациональный, где живет «множество евреев, есть немцы, русские конечно, поляки, литовцы» (ДЗ0; т. 25: 90).

Текст самого письма завершал подглавку и был графически выделен петитом. Написано письмо ярко, эмоционально, под непосредственным впечатлением от значимого городского события. Такая нарративная организация позволяла ощутить исповедальную обнаженность «живого» голоса, обращенного не только к Достоевскому как прямому адресату, но и к любому читателю «Дневника». Подобное расширение аудитории в освещении частного события имеет целью воссоздание сокровенного «разговора по душам» о вечном и непреходящем. Три описанные истории (об одинокой матери-кухарке, многодетной еврейской роженице и семье дровосека) выполняют функцию конкретизации истории знакомства с праведником, создавая более подробный, насыщенный деталями, объемный образ усопшего. Эти факты являются примерами подвижнического служения врача в течение 58 лет. Фактическая точность («30 копеек», «20 копеек», «пара куропаток», «4 рубля», «40 рублей» и т. д.) придает повествованию большую достоверность и аргументированность. Прием авторизации, заключающийся в указании на источник знания о фактах (личное знакомство с кухаркой и другими жителями города), создает эффект свидетельства, достоверного описания, непосредственной близости к происходящему.

Авторское отношение к доктору выражено и в заголовках мартовского «Дневника Писателя» за 1877 г. («Общечеловек», «Единичный случай»), которые имеют характер философских обобщений. Смысл подзаголовков, выстроенных на антитезе названия и текста, раскрывается постепенно. Пауза между загадкой и объяснением — эффективная коммуникативная стратегия «привлечения и удержания внимания» читателя (термин О. С. Иссерс [Иссерс: 108]).

Гинденбург: общечеловек или всечеловек?

Эти понятия заслуживают специального комментария. По мнению Н. Ф. Будановой, появление слов «общечеловек», «всечеловек» в публицистике Достоевского начала 1860-х гг. связано «с формированием и развитием его почвенническо-славянофильской мировоззренческой концепции,

с характерным для последней комплексом историософских идей о национальной самобытности и исторической роли России, ее всечеловеческом предназначении, о путях сближения интеллигенции и народа для осуществления "русской идеи" и др.» [Буданова: 200–201]. Однако исследовательница полагает, что автор первоначально эти понятия не разграничивал (см., напр., Д30; т. 18: 99): «...чаще они употребляются как синонимы» [Буданова: 204]. Последнее утверждение вызывает сомнения, учитывая пристальное внимание Достоевского к значению слов, особенно тех, которые он сам ввел в русский лексикон («всечеловек»).

Вероятнее всего, формирование историософской концепции Достоевского происходило одновременно с появлением книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», где общечеловек связывался с бесцветностью, отсутствием оригинальности, неполнотою, а Христос назывался Всечеловеком. Для писателя эти идеи философа были так близки и ценны, что он предлагал читать книгу Н. Я. Данилевского молодежи, для формирования правильного мировоззрения. В частности, при первой личной встрече с Софьей Лурье Достоевский снабдил ее изданием «Россия и Европа» из своей библиотеки.

В понимании писателя, считает Н. Ф. Буданова, «... "общечеловек" — это тип абстрактного европейца-космополита, лишённого национального лица. В представлении Достоевского подобными "общечеловеками" были русские либеральные западники — космополиты, утратившие вследствие поверхностного увлечения европеизмом кровные связи с национальной почвой и народной верой» [Буданова: 203]. Еще более категорично высказался В. Н. Захаров: «В отличие от англичан, немцев, французов, которые прежде всего национальны, русский "общечеловек" стремится быть кем угодно, только не русским. Он презирает народ — и, как правило, ненавидит Россию. Быть "общечеловеком" — быть отвлеченным европейцем без корней и без почвы» [Захаров, 2013: 152]. К похожим выводам пришла и Е. П. Литинская, отметив, что общечеловек — это «гордый скиталец, странник, человек европейской культуры» [Литинская: 159]. Так, в романе «Бесы» (1872) общечеловеком у Достоевского (Д30; т. 10: 177) назван член революционной пятерки, представитель «горячего народа» Виргинский, «светлые надежды» которого в реальности оборачиваются личной трагедией и крахом утопических идеалов.

Однако, по мысли В. В. Борисовой, у Достоевского понятие «общечеловек» сближается и с представлением о «всечеловеке». Оно соотносится, «во-первых, с христианским идеалом, во-вторых, со своим пониманием национальной сущности, национальной природы русского человека. В этом плане Достоевский писал об "инстинкте общечеловечности" в русском народе, противопоставляя "общечеловеческое" (в положительном смысле) всему узконациональному. Оставаясь все время на позиции "почвы", Достоевский диалектически связал категории "общечеловеческого" и "национального": "...общечеловечность не иначе достигнется как упором в свои

национальности каждого народа" <...> "...прежде чем не выживем всего своего и не станем общечеловеками" <...>. Рассматривая в 60–70-е гг. категорию "общечеловечности" как "синтетичности" и "всечеловечности", Достоевский связал ее с идеалом Христа: "Это слитие полного я, то есть знания и синтеза *со всем*... Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в я Христа как в свой идеал"...» [Борисова, 1997].

Термин «общечеловек» употребляется автором и в сочетании с прилагательными, которые усиливают его значение. Так, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) встречаем фразу: «...можно сейчас же вылепить настоящего человека, *общечеловека всемирного, гомункула*...» (ДЗ0; т. 5: 59; выделено нами. — Е. С.).

Подчеркнем, что слово «всечеловек» со строчной буквы в значении «совершенный христианин» — неологизм Достоевского [Захаров, 2013: 154]. Несмотря на то, что это слово стало главным концептом «Пушкинской речи», исследователи лишь недавно придали ему изначально авторский смысл (см. об этом: [Захаров, 2013], [Литгинская], [Викторович], [Шалина], [Захарова]).

В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему Достоевский назвал Гинденбурга общечеловеком, а не всечеловеком? Хотя правильнее сказать, что точное слово автор ищет на всем протяжении мартовского выпуска «Дневника Писателя», поправляет себя, уточняет свою дефиницию: «Это был не общечеловек, а скорее общий человек» (ДЗ0; т. 25: 90).

На наш взгляд, общечеловеческое для Достоевского — это свойство универсальное, характерное для любой национальности. При этом сохраняется национальная идентичность, но есть опасность «скатывания» до мозаичности и атомарности личности, утраты корней. Всечеловеческое же, напротив, предполагает новую целостность, выросшую на духовном опыте православия, это «новое слово» русских, обращенное ко всему миру, «поверх барьеров». Всечеловечность осознавалась писателем как исключительная принадлежность русского духа, будущее предназначение России в мире: «...всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского» (ДЗ0; т. 23: 31).

Добавим, что значение слова «всечеловек» не понял К. Леонтьев, по сути, уравнивая его с «общечеловеком, европейцем, либералом, космополитом» [Захаров, 2013: 154]. И сейчас эта досадная ошибка весьма распространена. Кроме того, различие между значениями, которые вкладывал в понятия «общечеловек» и «всечеловек» Достоевский, сложно уловить иностранцу, поскольку обе лексемы относятся к безэквивалентной лексике; тем не менее примеры тонкого понимания и разграничения авторских понятий за рубежом встречаются¹⁷.

¹⁷ См., например: [Gerigk].

Вторая подглавка третьей части построена на контрасте заглавия («Единый случай») и ее содержания. Достоевский выступает тут не в качестве известного автора, а в амплу публициста-издателя. Это дает возможность осмыслить событие не только как важное для города М., а шире — во все-ленском масштабе, с точки зрения вечных евангельских истин. Открыто, с долей иронии он указывает на доказавшую свою эффективность жизненную стратегию В. Гинденбурга как на путь разрешения ситуаций межнациональной розни и аргументирует свою позицию:

«II. Единичный случай

<...> почему я назвал старичка доктора "общечеловѣкомъ"? Это былъ не общечеловѣкъ, а скорѣе общій человѣкъ. **Этотъ городъ М.** (выделено нами. — Е. С.) — это большой губернской городъ въ западномъ краѣ, и въ этомъ городѣ множество евреевъ, есть нѣмцы, русскіе конечно, поляки, литовцы, — и всѣ то, всѣ эти народности признали праведнаго старичка каждая за своего. Самъ же онъ былъ протестантъ, и именно нѣмецъ, вполне нѣмецъ: манера какъ онъ купилъ и отослалъ бѣдному еврею корову — это чисто нѣмецкій виць. Сперва озадачилъ того: "чѣмъ уплатишь?" И ужь конечно беднякъ, продавая послѣднюю козу чтобъ уплатить "благодетелю", не ропталъ ни мало, а напротивъ горько страдалъ въ душѣ, что всего-то коза стоитъ 4 цѣлковыхъ, а вѣдь и "бѣдному работающему на нихъ всѣхъ бѣдняковъ старичку тоже вѣдь жить надо, а что такое четыре цѣлковыхъ за всѣ-то его благодѣянія семейству?" Ну а старичокъ себѣ на умѣ, посмѣвается, а сердце горитъ у него: "вотъ же я ему бѣдняку нашъ нѣмецкій виць покажу!" И вѣдь какъ должно быть хорошо смѣялся про себя, когда повели къ еврею корову, какъ прибодрился духомъ, и пожалуй всю ту ночь можетъ быть провозился въ нищей лачугѣ какойнибудь бѣдной еврейки родильницы. А вѣдь восьмидесятилѣтнему старичку хорошо бы и поспать ночку, покоить старыя, усталыя кости»¹⁸.

В этой части главы, на основе сведений, сообщенных Софьей Лурье, Достоевский додумывает психологический портрет героя. По такому принципу «нанизывания» деталей на реальный факт или событие из жизни выстраивается специфика творческого процесса автора. По наблюдению Д. С. Лихачева, «Достоевский не "сочинял" действительность, а "досочинял" к ней свои произведения. Зацепившись за действительный факт, за реальную местность, случайную встречу, газетное сообщение о каком-либо происшествии, репортаж о судебном процессе, он давал всему этому продолжение, воображением населял увиденную им улицу, мысленно открывал двери в реально существовавшие квартиры, сходил в реально бывшие

¹⁸ См.: Достоевский Ф. М. Дневник Писателя. 1877 г. Мартъ. Гл. 3. С. 81–82. Ср.: Д30; т. 25: 90.

подвалы, наделял биографиями действительно встреченных им прохожих» [Лихачев: 260].

Ключом к характеру человека и его поведению у Достоевского является тот или иной знаковый жест. Воодушевленно и с симпатией автор раскрывает национальный характер и юмор Гинденбурга («...А старичок себе на уме, посмеивается, а сердце горит у него», «прибодрился духом»), моделируя его внутреннюю речь: «Вот же я ему, бедняку, наш немецкий виц покажу!» (ДЗ0; т. 25: 90). В этом случае Достоевский использует прием сермоцикации — воображаемой или переработанной речи собеседника: немецкое слово «виц» (*der Witz* — шутка, острота) он дает без перевода, чтобы ярче и рельефнее указать на национальную принадлежность и эмоциональную окраску высказывания. Специфика юмора доктора основывается на закономерной, априори предполагаемой оплате за медицинские услуги: «Чем уплатишь?». Шутка врача-«благодетеля» заключается в том, что, отказываясь от вознаграждения, он еще и дарит бедняку в несколько раз превосходящую сумму, передав через лакея, что «доктор признал козье молоко для них вредным» (ДЗ0; т. 25: 90), и исключив, таким образом, возможность отказа от подарка. Благодаря приему внутреннего диалога от лица доктора образ получает завершение. Эпизод заканчивается ироническим восклицанием: «Разрешение еврейского вопроса, господа!» (ДЗ0; т. 25: 91), — в котором за комическим содержанием скрыт серьезный смысл о вкладе отдельной личности в национальную и мировую историю.

Вторая часть главки «Единичный случай» строится по принципу экфрасиса, т. е. описания выдуманной Достоевским картины принятия родов старичком Гинденбургом у бедной еврейской многодетной матери (см. об этом: [Борисова, 2013: 55–60]). Оценивая личность доктора как неординарную, более того — героическую, автор предлагает запечатлеть его в момент рождения бедного младенца. Нарративный прием экфрасиса усиливает суггестивную насыщенность текста Достоевского. Так, на первом плане картины изображена фигура акушера, завернувшего в свою рубашку еврейского младенца, что очевидно имеет евангельский подтекст:

«Да и для художника роскошь сюжета. Во-первых, идеальная, невозможная, смраднѣйшая нищета бѣдной еврейской хаты. <...> Да и освѣщеніе можно бы сдѣлать интересное: на кривомъ столѣ догораетъ оплывшая салъная свѣчка, а сквозь единственное, заиндивѣвшее и обледенѣлое оконце уже брезжетъ разсвѣтъ новаго дня, новаго труднаго дня для бѣдныхъ людей. Трудныя родильницы часто родятъ на разсвѣтѣ: всю ночь промучаются, а къ утру родятъ. Вотъ усталый старичокъ, на мигъ оставивъ мать, беретъ за ребенка. Принять не во что, пеленокъ нѣтъ, ни тряпки нѣтъ <...> и вотъ праведный старичокъ снялъ свой старенькій вицъ-мундирчикъ, снялъ съ плечъ рубашку и разрываетъ ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бѣдный новорожденный еврейчикъ копошится передъ нимъ на постелѣ,

христiанинъ принимаетъ еврейчика въ свои руки и обвиваетъ его рубашкой съ плечъ своихъ. Разрѣшенiе еврейскаго вопроса, господа! Восьмидесятилѣтнiй обнаженный и дрожащiй отъ утренней сырости торсъ доктора можетъ занять видное мѣсто въ картинѣ, не говорю уже про лицо старика и про лицо молодой, измученной родильницы, смотрящей на своего новорожденнаго и на продѣлки съ нимъ доктора. Все это видитъ сверху Христосъ и докторъ знаетъ это: "этотъ бѣдный жидокъ выростетъ и можетъ снять и самъ съ плеча рубашку и отдастъ христiанину, вспоминая рассказъ о рожденiи своемъ" — съ наивной и благородной вѣрой думаетъ старикъ про себя. Сбудется-ли это? вѣроятнѣе всего что нѣтъ, но вѣдь сбывтся можетъ, а на землѣ лучше и дѣлать-то нечего, какъ вѣрить въ то, что *это* сбывтся можетъ и сбудется"¹⁹.

Достоевскiй додумывает и черты характера доктора Гинденбурга. За долгие годы практики врач не утратил способности радоваться рождению нового человека, которое воспринимает не иначе как чудо. Вместо взимания платы за свой нелегкий труд родовспоможения он дарит бедной еврейке «перламутровую <...> сигарочницу» (Д30; т. 25: 92) — вероятно, подарок другого благодарного пациента. Кроме того, доктор незаметно оставляет на столе «медный столбик трехкопеечников» (Д30; т. 25: 91) на продукты, а свою рубашку разрывает на пеленки.

Вызванное похоронами «общего доктора» единение людей, принадлежащих к разным нациям, происходит весной, когда сама природа задает новый этап жизненного цикла и готова к обновлению. Рассказ о прощании с «праведным старичком» (Д30; т. 25: 91) приобретает черты дидактического красноречия в форме поучения или проповеди, но иронический тон не снимает важности вопроса объединения людей:

«Этотъ общiй человѣкъ, хоть и единичный случай, а соединилъ же надъ гробомъ своимъ весь городъ. Эти русскiя бабы и бѣдныя еврейки цаловали его ноги въ гробу вмѣстѣ, тѣснились около него вмѣстѣ, плакали вмѣстѣ. Пятдесятъ восемь лѣтъ служенiя человѣчеству въ этомъ городѣ, пятдесятъ восемь лѣтъ неустанной любви соединили всѣхъ хоть разъ надъ гробомъ его въ общемъ восторгѣ и въ общихъ слезахъ. Провожаетъ его весь городъ, звучать колокола *встѣхъ* церквей, поются молитвы на всѣхъ языкахъ. <...> Да вѣдь въ это мгновенiе почти разрѣшенъ хоть бы этотъ самый "еврейскiй вопросъ"! Вѣдь пасторъ и раввинъ соединились въ общей любви, вѣдь они почти обнялись надъ этой могилой въ виду христiанъ и евреевъ. Что въ томъ, что разоидясь, каждый примется за старые предрассудки: капля точитъ камень, а вотъ эти-то "общiе человѣки" побѣждаютъ миръ соединяя его; предрассудки будутъ блѣднѣть съ каждымъ единичнымъ случаемъ и наконецъ вовсе исчезнутъ. Про старичка останутся легенды <...> А легенды ужъ это

¹⁹ См.: Достоевскiй Ф. М. Дневникъ Писателя. 1877 г. Мартъ. Гл. 3. С. 82–83. Ср.: Д30; т. 25: 91.

первый шагъ къ дѣлу, это живое воспоминаніе и неустанное напоминаніе объ этихъ "побѣдителяхъ міра", которымъ принадлежитъ земля»²⁰.

Так создается модель поведения праведника. Символическим представляется использование Достоевским евангельских аллюзий в описании «единичного случая», обретающего перспективу общего и вечного: отдай рубашку, «и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5:41); «Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5:4).

Контрастной параллелью к истории доктора-человеколюбца в «Дневнике Писателя» приводится случай врача-эгоиста, не воспринимающего свою профессию как служение: он не помог утопающему, поскольку «спешил домой выпить кофею» (ДЗ0; т. 25: 92). Такое сопоставление рельефно выделяет образ настоящего доктора, врачевавшего не только тела, но и души.

В концепции Достоевского Гинденбург — подлинный христианин, избравший нравственной нормой сознательное жертвование собой ради других. Такой образец деятельного служения людям обладает огромной созидательной силой и способен изменить мир к лучшему. Писатель верит, что частный, единичный случай станет всеобщим правилом, примером для других:

«И вовсе нечего ждать, пока все станут такими же хорошими, как и они, или очень многие: нужно очень немного таких, чтоб спасти мир, до того они сильны. А если так, то как же не надеяться?» (ДЗ0; т. 25: 92).

По сути, Достоевский косвенно обращался к каждому своему читателю с немим призывом, чтобы единичный случай «неустанной любви» (ДЗ0; т. 25: 92) стал всеобщей нормой. Название подглавки «Единичный случай» контрастно противопоставлено ее содержанию, что усиливает публицистичность и суггестивность авторской интенции относительно распространения описанной модели поведения.

А. Е. Богданович о Гинденбурге

В мемуарном свидетельстве о похоронах доктора Гинденбурга, которое оставил Адам Егорович Богданович (1862–1940), отец известного украинского поэта, заметно влияние публикации Достоевского о покойном. В подростковом возрасте А. Е. Богданович стал свидетелем «всенародных похорон» доктора Гинденбурга, которое назвал «самым важным и отрадным по своему значению и характеру»²¹. «Всенародные похороны» доктора Гинденбурга мемуарист описывает так:

²⁰ См.: Достоевский Э. М. Указ соч. С. 83–84. Ср.: ДЗ0; т. 25: 92.

²¹ Богданович А. Е. Я всю жизнь стремился к свету: [в 2 кн.]. Кн. 1: Мои воспоминания / сост. и автор предисл. А. Ващенко. Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012. С. 381. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Богданович* и указанием страницы в круглых скобках.

«Он был лютеранин, но у гроба его и в погребальной процессии соединились все народности и вероисповедания гор. Минска — православные и католики, лютеране, евреи и магометане. Число провожавших гроб было огромным — в десяток тысяч человек, что для маленького тогдашнего Минска было явлением невиданным и исключительным, чтобы на похоронах частного лица соединились никем не пригнанные толпы народов. Особенно много было евреев и многие шли в молитвенных одеяниях и со свечами и молитвенниками в руках, в том виде, в каком были в синагоге.

Зрелище было в высшей степени трогательное в том смысле, что здесь были отброшены в сторону или хотя бы на время забыты национальные и религиозные антагонизмы, в то время бывшие в полной силе» (*Богданович*: 381–382).

Мемуарист упоминает и публикацию Достоевского о минском докторе, возникшую под влиянием письма Сары Лурье²²:

«Что же объединяло эту разноплеменную толпу? Обаяние личности покойника, его исключительная доброта и неустанная работа на пользу униженных и обиженных, угнетенных и обездоленных, т. е. городской бедноты. <...> Это был местный двойник доктора Гааза, заслуживающий, как и его прототип, доброй памяти. Но память-то у нас коротка, и эта славная личность ничем не была увековечена и его неустанная и самоотверженная работа ничем не была отмечена» (*Богданович*: 382–383).

Забытое мемуарное свидетельство Р. В. Плетнева

Среди свидетельств о Гинденбурге необходимо выделить две заметки Р. В. Плетнева.

Ростислав Владимирович Плетнев (1903–1985) — участник Белого движения на Юге России, литературовед, публицист, писатель. Псевдоним Даниэль он выбрал по фамилии матери, которая происходила из семьи переселившихся в Россию при Петре I французов-гугенотов, отец был профессором Военно-юридической академии Санкт-Петербурга. После 1920-х гг. находился в эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, в Белграде, где с золотой медалью окончил русско-сербскую гимназию (1923). Учился в Праге в Карловом университете, защитил докторскую диссертацию «Природа в произведениях Достоевского» (1928). Работал в Народном университете в Праге, затем в Коларчевом университете в Белграде. С 1955 г. эмигрировал в Канаду, где преподавал русскую литературу в Монреальском французском университете, Оттавском университете и университете Мак-Гилл в Монреале. Область его научных интересов: славянские литературы

²² Так у А. Е. Богдановича, по первому имени. Полное имя от рождения: Сара Софья Ефимовна Лурье; имя в замужестве: Сара Эпштейн.

и языки, он — автор более 200 трудов на русском, сербском, чешском, английском и французском языках, владел русским, английским, французским, украинским, грузинским, чешским, сербским языками, состоял членом редколлегии журнала «Русское возрождение» (Париж — Нью-Йорк — Москва) (см. подробнее: [Соколов], [Валиев]).

Илл. 5. Р. В. Плетнев²³

Fig. 5. R. V. Pletnev

Плетнев дважды обращался к личности доктора Гинденбурга: в 1931 г. — в берлинской русскоязычной газете «Руль» и, позднее, упомянув об этой публикации в «Заметках к статье Д. В. Гришина "Был ли Достоевский анти-семитом?"», напечатанных в «Вестнике русского христианского движения» (1976. № 1).

Эпиграфом к статье «Достоевский и Гинденбург» (1931) Плетнев взял фразу из романа «Подросток»:

«Русскому Европа такъ же драгоцѣнна какъ и Россія... Европа такъ же была отечествомъ нашимъ, какъ и Россія. О, болѣе» [Плетнев, 1931a: 2].

Автор начинает публикацию с утверждения, что «изъ всѣхъ русскихъ классиковъ Достоевскій пользуется въ Германіи наибольшимъ признаніемъ и широкой популярностью...» [Плетнев, 1931a: 2], и указывает на «прочность тѣхъ узъ, кои связывали Достоевскаго съ нѣмецкимъ гениемъ» Гёте [Плетнев, 1931a: 2].

Одним из постоянных образов в романистике Достоевского, по мысли Плетнева, является образ немца-доктора.

²³ Источник фото: <https://esokoloff.wordpress.com/2014/07/30/rostislav-pletnev/#jp-carousel-3800> (03.02.2022).

Так, в романе «Идиот» запечатлен образ сострадательного врача: «идеальнымъ примѣромъ блаженнаго миротворца и нищелюбца беретъ Достоевскій скромнаго московскаго врача, чистаго нѣмца по происхожденію» [Плетнев, 1931а: 2]. Он «"всю свою жизнь таскался по острогамъ и по преступникамъ", звалъ ихъ "голубчиками", раздавалъ деньги, присылая необходимыя вещи и книги» [Плетнев, 1931а: 2]. Как мы указывали ранее, «этот вставной рассказ иллюстрирует идею деятельного добра, безотносительной любви, воплощает возможное направление развития личности Мышкина» [Сафронова: 334]²⁴. Писателя глубоко волновала идея далеких следствий одного доброго дела старичка-генерала, врачевателя душ, способного нравственно изменить сотни ссыльных.

Далее Плетнев указывает, что прототипом образа безымянного «святого доктора» послужил старший врач московских тюремных больниц Федор Петрович Гааз (1780–1853), «великий филантроп, врач душ и тел» [Плетнев, 1931а: 2]²⁵.

В 2018 г. Ф. П. Гааз был причислен к лику блаженных Католической церкви. Известно, что Достоевский знал о его существовании с детства²⁶ и еще до каторги интересовался личностью Ф. П. Гааза. В 1840-е гг. писатель пользовался Евангелием на французском языке, которое врач-филантроп подарил Илье Александровичу Арсеньеву (1820–1887), журналисту, одному из основателей и издателей «Петербургского листка». Достоевский попросил у него книгу на несколько дней, делал в ней пометы, позднее она оказалась у М. В. Бутаевича-Петрашевского [Захаров, 2010: 644].

В «Братьях Карамазовых» колоритной фигурой является образ доктора Герценштубе:

«Его всѣ у насъ въ городѣ очень цѣнили и уважали. Былъ онъ врачъ добросовѣстный, человѣкъ прекрасный и благочестивый, какой то гернгутерь или "Моравскій братъ"... Онъ былъ добръ и человѣколюбивъ, лѣчилъ бѣдныхъ больныхъ и крестьянъ даромъ, самъ ходилъ въ ихъ конуры и избы и оставлялъ деньги на лѣкарство. Это былъ старый холостякъ съ душой нѣжной и цѣломудренной и "на женщинъ смотрѣлъ, какъ на высшія и идеальныя существа". "Была у него забавная слабость: считать свою русскую рѣчь за образцовую, за лучшую чѣмъ даже у русскихъ. Вслѣдствіе этого

²⁴ Комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского А. И. Битюгова и Н. Н. Соколомина указывают, что доктор действительно много сделал для смягчения жестоких условий содержания заключенных и переправки ссыльных, раздал свое состояние и самоотверженной деятельностью по уходу за больными и заключенными приобрел широкую популярность (*Д30*; т. 9: 344, 450).

²⁵ Первой на прототип указала еще А. Г. Достоевская в примечаниях к роману «Идиот»: «Едодоръ Михайловичъ говоритъ о докторѣ Гаазѣ» (опубликовано Л. П. Гроссманом в 1922 г. [Гроссман: 60], ср.: [Панюкова: 98]). См. также: (*Д30*; т. 9: 344, 450), [Варжапетян], [Святой доктор Гааз], [Сафронова: 334].

²⁶ См., например: [Федоров: 36, 39, 40, 42, 92], [Тихомиров: 186–189].

онъ очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ... Въ разговорѣ, отъ разсѣянности ли какой, часто забывалъ слова самыя обычныя... и при этомъ всегда махалъ рукой передъ лицомъ своимъ, какъ бы ища ухватить потерянное словечко, и уже никто не могъ бы принудить его продолжать начатую речь, прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова» [Плетнев, 1931а: 2–3].

Все знали доктора как «человѣка исключительной душевной нѣжности», с «какой то наивной и милой сентиментальностью и человѣколюбіемъ» [Плетнев, 1931а: 3].

Плетнев высказал мысль о том, что образ врача Герценштубе в романе «Братья Карамазовы» создавался Достоевским как синтетический, путем соединения истории доктора Ф. П. Гааза, ставшего прототипом миротворца и нищелюбца в романе «Идиот», и истории Гинденбурга, описанной в «Дневнике Писателя» за март 1877 г. Далее приводится практически вся публикация Достоевского о докторе Гинденбурге из «Дневника Писателя»²⁷, начиная с письма Софьи Лурье о похоронах, и ставится риторический вопрос: «Кто же былъ описанный съ такой любовью и съ такимъ пафосомъ баронъ докторъ Hindenbурg?» [Плетнев, 1931b: 3].

Плетнев верно указал на совпадения между реальными чертами В. Гинденбурга и образом скотопригоньевского доктора (в возрасте, характере и особенно в немецком остроумии)²⁸.

Плетнев передает еще несколько историй о докторе, которые знает со слов своей близкой знакомой, «глубокой старушки Сабины Самойловны Даниэль, урожденной баронессы фонъ Гинденбургъ. Она была любимицей доктора Гинденбурга и приходилась ему родной племянницей» [Плетнев, 1931b: 3]. Из более поздней публикации становится известно, что Сабина Даниэль — бабушка автора по материнской линии [Плетнев, 1976: 119]. Соответственно, доктор Гинденбург, родной дядя бабушки — двоюродный прадед Плетнева. И его газетная заметка, по сути, — благодарная память о своих предках. Все случаи переданы «съ такой любовью и съ такимъ пафосомъ» [Плетнев, 1931b: 3], что нельзя сомневаться в их правдивости. Это создает эффект «живого» свидетельства, внушает особое доверие к нему. Прежде всего, отмечается сознательный выбор врачом дела жизни:

---

²⁷ Приведем попутно интересное предположение по поводу авторского отступления на тему реализма в искусстве в подглавке «Единичный случай» и приведенного там Достоевским суждения «одного могучего поэта и тонкого художника» о картине Семирадского (ДЗ0; т. 25: 90–91). По мнению Плетнева, спутником Достоевского на выставке был его друг, «сынъ талантливаго живописца» А. Н. Майков [Плетнев, 1931b: 2].

²⁸ Как заметила Генриетта Мондри, «самая поразительная связь между романом и "Дневником писателя" за 1877 год — в удивительном сходстве доктора Гинденбурга (создавая этот характер Достоевский пытался решить "еврейский вопрос") и Герценштубе» [Мондри: 31].

«"Этой профессіей, говариваль д-ръ Гинденбургъ, я надѣюсь послужить людямъ". Всю свою жизнь и всѣ свои средства истратилъ онъ на бѣдняковъ, врачуя, помогая и утѣшая "своихъ близкихъ", такъ звалъ онъ всѣхъ паціэнтовъ. Зналъ онъ и языки, и особенно хорошо — русскій, еврейскій жаргонъ и польскій. На этихъ языкахъ говорило бѣднѣйшее населеніе города и деревень. На вопросы, зачѣмъ онъ трудится надъ изученіемъ языковъ, когда онъ уже бѣгло на нихъ говорилъ, докторъ отвѣчалъ съ удивленіемъ: — "А чтобъ я хорошо могъ утѣшать близкихъ, они очень много несчастны". Говорятъ, былъ онъ врачъ удивительный и необыкновенно счастливый» [Плетнев, 1931b: 3].

К Гинденбургу за советом часто приезжали даже из дальних городов. Прославился он не только высоким уровнем профессионализма, но и благодаря особому милосердию: всё его жалование «уходило на бѣдныхъ, на просителей и на сюрпризы бѣднякамъ и знакомымъ» [Плетнев, 1931b: 3].

Описанная в «Братяхъ Карамазовыхъ» история Дмитрия, которому доктор Герценштубе в детстве подарил фунт орехов, зародив в мальчишке благодарную память и стремление к добру, соотносится с реальной историей племянницы доктора Гинденбурга Сабины Гинденбург-Даниэль, которой он регулярно оказывал подобные знаки внимания. По рассказам очевидцев, «часто денегъ у него совсѣмъ не было, и онъ почти голодалъ, тогда и сюрпризы были крошечные, но всегда были. Любилъ онъ всѣхъ несчастныхъ "бѣдняшекъ" какой то неутолимой, ищущей любовью» [Плетнев, 1931b: 3]. На протяжении всей жизни доктор Гинденбург был охвачен идеей благотворительности: «...къ бѣднякамъ онъ посылалъ бѣдныхъ рабочихъ, чтобъ они поправили крыши и полы, самъ постоянно ѣздилъ и ходилъ по окраинамъ и высматривалъ и выглядывалъ во время своей врачебной практики о нуждахъ». По натуре «былъ тихъ, характеромъ свѣтелъ и радостенъ» [Плетнев, 1931b: 3].

В «Дневнике Писателя» Достоевский выразил уверенность, что после Гинденбурга останутся легенды, которые будут менять к лучшему жизнь рассказчиков и окружающих людей. Плетнев подтверждает, что спустя 60 лет после кончины Гинденбурга народная память бережно хранит историю «святого доктора», «нашего отца», вспоминая о нем «съ умиленіемъ» [Плетнев, 1931b: 3].

Публикация знакомит также с ближайшим другом и сподвижником доктора Гинденбурга, «богачомъ-евреемъ, лѣсо- и хлѣботорговцемъ, по фамиліи Зельдовичъ», который оказывал активную материальную помощь доктору в заботе о нуждающихся. Перед кончиной доктор Гинденбург завещал другу «всѣхъ бѣдныхъ, и до смерти своей Зельдовичъ исполнялъ обѣщаніе и клятву другу» [Плетнев, 1931b: 3]. Эта история как бы раздвигает границы «Дневника Писателя», наглядно показывая, как пример

«пятидесяти восьми лет неустанной любви», деятельного и милосердного служения людям становится образцом для подражания.

Спустя 45 лет, в 1976 г., в журнале «Вестник русского христианского движения», Плетнев, полемически отвечая на статью Д. В. Гришина «Был ли Достоевский антисемитом?», уже открыто пишет о своем прямом родстве с доктором Гинденбургом: «родной дядя моей бабушки по матери» [Плетнев, 1976: 119], отсылая также к своей предыдущей публикации²⁹. Далее он обращается к центральному событию мартовского номера «Дневника Писателя» за 1877 г., рассказывая о том, как акушер Гинденбург снял рубашку со своих плеч и завернул в нее еврейского младенца. Приведем этот важный фрагмент публикации полностью:

«Барон фон Гинденбург (Бенекендорф) был полиглотом и прекрасным врачом-бессеребренником. Это был добряк — благодетель бедняков любой нации. О нем, родном дяде моей бабушки по матери, я написал некогда большую статью. Меня интересовала идея примирения, выдвинутая Достоевским при рассказе о "святом докторе-протестанте". Сам по себе Достоевский часто то бранил немцев, то ими восторгался. В упомянутых отделах "Дневника Писателя" Достоевский говорит между прочим и следующее: Доктор однажды, не имея в бедной хате пеленок для новорожденного еврейчика, снимает с плеч свою рубашку. "Всё это видит сверху Христос, и доктор знает это: этот бедный жидок вырастет и может снимет и сам с плеча рубашку и отдаст христианину, вспоминая рассказ о рождении своем", — с наивной и благородной верой думает про себя старик... А доктор в праве верить, потому что уж на нем сбылось: "исполнил я, исполнит и другой; чем я лучше другого?" Далее писатель указывает на роль и значение доброго доктора: "Этот общий человек хоть и единичный случай, а соединил же над гробом своим весь город. Эти русские бабы и бедные еврейки целовали его ноги в гробу, теснились около него вместе, плакали вместе... Да ведь в это мгновение почти разрешен хоть бы этот самый 'еврейский вопрос' Ведь пастор и раввин соединились в общей любви... Эти-то 'общие человеки' побеждают мир, соединяя его... А уверовав в то, что это действительно победители, и что такие действительно 'наследят землю' (Мф. 5:5)... Нужно очень немного таких, чтобы спасти мир, до того они сильны. А если так, то как же не надеяться?" Писатель мечтает, что доброта, христианское служение ближним до забвения о себе, смогут, может быть, решить даже еврейский вопрос, победив любовью ненависть и презрение» [Плетнев, 1976: 119–120].

²⁹ Ошибочно: Руль. № 3099. На самом деле, публикация размещена в № 3100 и 3101 за 6 и 7 февраля 1931 г.

Личное знакомство Достоевского со многими врачами, наблюдение за их работой и бытом позволили писателю не только создать впечатляющие картины болезней его героев, но и воплотить в произведениях запоминающиеся образы медицинских работников разной степени культуры и знаний.

С минским доктором-немцем Гинденбургом, самоотверженно спасавшим людские жизни во время эпидемий, родов, лечившим арестантов Тюремного замка, Достоевский не был знаком лично. Однако не случайно биография этого врача, ставшая темой эпистолярия Софьи Лурье, вдохновила писателя на создание образа доктора Герценштубе в романе «Братья Карамазовы», нашла воплощение в «Дневнике Писателя» 1877 г. Она стала иллюстрацией к одному из важнейших гуманистических тезисов Достоевского о вкладе отдельной личности в национальную и мировую историю. Подлинный христианин, избравший нравственной нормой служение людям, сознательное жертвование собой во имя других, любовью побеждающий ненависть, способен объединить народы всех вероисповеданий и национальностей и остаться бессмертным в памяти людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Достоевскій и Гинденбургъ

«Русскому Европа такъ же драгоценна
какъ и Россія... Европа такъ же была отечествомъ
нашимъ, какъ и Россія. О, болѣе»
(Достоевскій «Подростокъ»).

Если изъ всѣхъ русскихъ классиковъ Достоевскій пользуется въ Германіи наибольшимъ признаніемъ и широкой популярностью, то, съ своей стороны, нашъ гениальный писатель страстно волновавшійся проблемой «Россія и Европа» платитъ Германіи — искреннимъ уваженіемъ, симпатіями и, пожалуй, преклоненіемъ. Любопытно, что напр<имѣръ> отношеніе писателя къ французамъ можно считать въ своей сущности скорѣе глубоко отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ. Тутъ были причины, какъ чисто личные, такъ и принципиальная ненависть къ странѣ католицизма не какъ религіи, а какъ своеобразно понятой идеи «царства земного», Антихриста.

Съ дѣтскаго возраста Достоевскій уже вошелъ въ соприкосновеніе съ германской культурой. Онъ рассказывалъ своей второй женѣ — Аннѣ Григорьевнѣ, о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое произвела на него въ дѣтствѣ трагедія Шиллера «Разбойники»³⁰. Въ юности (1840–41 г.г.) Достоевскій увлекался драматическими опытами и пишетъ подъ вліяніемъ Ф. Шиллера свою «Марію Стюартъ». Совмѣстно съ другомъ своимъ — поэтомъ, романтикомъ и вѣчнымъ искателемъ — Шидловскимъ читаетъ нѣмецкаго поэта и скорѣе онъ «вызубрилъ Шиллера, говорилъ имъ, бредилъ имъ...». «Имя Шиллера, говоритъ писатель, стало мнѣ роднымъ, какимъ то волшебнымъ звукомъ, вызывающимъ столько мечтаній»... Вполнѣ понятно, что вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Достоевскій мечтаетъ издать по русски «всего» Шиллера. Вліяніе Шиллера и его поэзіи на душу Достоевскаго было необычайно и, что интереснѣе всего, вновь откликнулось въ послѣднемъ произведеніи — Братьяхъ Карамазовыхъ, гдѣ не разъ цитируется Шиллеръ. Высоко цѣнилъ писатель и Э. Т. А. Гофмана³¹; сравнивая его съ Э. По, онъ находилъ у Гофмана большой талантъ, глубину, «жажду красоты и свѣтлый идеалъ». Вліяніе Гофмана уже значительно выяснено и говоритъ о первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго безъ знанія Гофмана трудно. Имя Гете и Гетевскій «Фаустъ» тоже заняли не послѣднее мѣсто въ галлерей великихъ писателей и учителей Достоевскаго. Трогательная страница посвящена ему въ «Дневникѣ Писателя». Въ главѣ, трактующей о самоубійствахъ среди русской молодежи, возмущаясь, что часто убиваютъ себя юноши изъ за самыхъ ничтожныхъ и мелкихъ причинъ и при томъ не мыслятъ о значеніи жизни, о проблемѣ души, Достоевскій замѣчаетъ: «Неужели это безмысліе въ русской

³⁰ Писатель видѣлъ ее на сценѣ Московскаго театра съ Мочаловымъ въ роли Карла Моора (*Примеч. автора*).

³¹ В публикации ошибочно: А. П. Гофмана

природѣ? Я говорю безмысліе, не безмысліе. Ну, не вѣрь, но хоть помысли. Въ нашемъ самоубійцѣ даже и тѣни подозрѣнія не бываетъ о томъ, что онъ называется Я и есть существо безсмертное. Онъ даже какъ будто никогда не слыхаль о томъ ровно ничего. И однако онъ вовсе не атеистъ. Вспомните прежнихъ атеистовъ: утративъ вѣру въ одно, они тотчасъ же начинали страстно вѣровать въ другое... Самоубійца Вертеръ, кончая съ жизнью, въ послѣднихъ строкахъ имъ оставленныхъ, жалѣеть, что не увидитъ болѣе прекраснаго созвѣздія "Большой Медвѣдицы", и прощается съ нимъ. О, какъ казался въ этой черточкѣ только что начинавшійся тогда Гете. Чѣмъ же такъ дороги были молодому Вертеру эти созвѣздія? Тѣмъ, что онъ сознавалъ каждый разъ, созерцая ихъ, что онъ вовсе не атомъ и не ничто передъ ними, что вся эта бездна таинственныхъ чудесъ Божіихъ вовсе не выше его мысли, не выше его сознанія, не выше идеала красоты, заключеннаго въ душѣ его, а, стало быть, равна ему и роднитъ его съ безконечностью бытія... и что за все счастье чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто онъ? — онъ обязанъ лишь своему лику человѣческому.

"Великій Духъ, благодарю тебя за ликъ человѣческой, Тобою данный мнѣ".

Вотъ какова должна была быть молитва Гете во всю жизнь его. У насъ разбирають этотъ данный человѣку ликъ совершенно просто и безъ всякихъ этихъ нѣмецкихъ фокусовъ»...

Не одна литература, но и нѣмецкая музыка цѣнилась и любилась Достоевскимъ. О пьесахъ Бетховена онъ говорилъ, какъ о «верхѣ восхищенія», а о увертюрѣ изъ «Феделио», въ одномъ изъ писемъ къ женѣ, утверждаетъ, что «выше этого ничего не создавалось». Эти нѣсколько бѣгло отмѣченныхъ черточекъ позволяютъ указать на прочность тѣхъ узъ, кои связывали Достоевскаго съ нѣмецкимъ гениемъ. Въ своихъ романахъ Достоевскій неоднократно изображаетъ нѣмца-доктора. Этотъ типъ созданъ имъ на основаніи двухъ совершенно реальныхъ образовъ. Одинъ изъ нихъ — московскій врачъ Ф. П. Гаазъ, прекрасную біографію котораго написалъ сенаторъ А. Ф. Кони. Въ романѣ «Идіотъ», Достоевскій впервые попытался дать типъ идеальнаго, прекраснаго человѣка, трогательная страничка посвящена воспоминанію объ одномъ идеальномъ милостивцѣ. Писатель въ «исповѣди» Ипполита касается организаціи «общественной милостыни» и вопроса о частной благотворительности. Въ его представленіи это двѣ глубоко различныя вещи, и первая никакъ не должна и не можетъ стѣснять «личную свободу». «Единичное доброе дѣло, пишетъ онъ, остается всегда, потому что оно есть потребность прямого вліянія одной личности на другую». Идеальнымъ примѣромъ блаженнаго миротворца и нищелюбца беретъ Достоевскій скромнаго московскаго врача, чистаго нѣмца по происхожденію. Онъ даже не называетъ его фамиліи. Но никто другой какъ Ф. П. Гаазъ передъ нами, ибо «онъ всю свою жизнь таскался по острогамъ и по преступникамъ», звалъ ихъ «голубчиками», раздавалъ деньги, присылая необходимыя вещи и книги. «Онъ говорилъ съ ними какъ съ братьями, но они сами стали считать его подъ конецъ за отца». Особенно «старичекъ» любилъ ссыльныхъ дѣтей, ласкалъ ихъ, утѣшалъ и дарилъ. И «его знали по всей Россіи и по всей Сибири, то-есть всѣ преступники». Доброта и самоотверженіе и нѣжность

его были изумительны и навсегда врѣзались въ память знавшихъ «святого доктора». Закоренѣлый злодѣй, убійца малолѣтнихъ дѣтей изъ удовольствія — и тотъ, говоритъ писатель, вспоминалъ иной разъ его съ улыбкой любви и «почемъ вы знаете, какое сѣмя заброшено въ его душу навѣки этимъ "старичкомъ генераломъ"... Какое значеніе будетъ имѣть это приобщеніе одной личности къ другой въ судьбахъ приобщенной личности? Тутъ вѣдь цѣлая жизнь и безчисленное множество скрытыхъ отъ насъ развѣтвленій».

Образъ «святого старичка» видимо глубоко врѣзался въ душу писателя и ярко запечатлѣлся въ его памяти. Когда думалъ онъ надъ проблемой своего неосуществленнаго романа «Атеизмъ» и надъ «Житіемъ Великаго Грѣшника», тихій обликъ великаго человѣколюбца и искренняго христіанина стоялъ передъ его очами. Именно въ планѣ ненаписаннаго романа «Житіе великаго грѣшника», въ произведеніи, отъ котораго бѣгутъ ясно видимыя нити ко всѣмъ послѣдующимъ романамъ Достоевскаго, находимъ упоминаніе о Гаазѣ, ясно свидѣтельствующее о значеніи этого типа для искателя правды Христовой. Въ концѣ плана мы читаемъ, что какъ результатъ всей многострадальной и бурной жизни, какъ ея завершеніе и апофеозъ стоитъ фигура доктора Гааза: «Кончаетъ воспитательнымъ домомъ у себя и Гаасомъ становится. Все яснѣетъ».

Въ концѣ пути атеиста и неутомимаго искателя, природы бунтарской и вѣчно тоскующей по прекрасному, по горному идеалу гармоніи и силы, стоитъ образъ старичка, великаго филантропа, врача душъ и тѣлъ — Ф. П. Гааза. Великій грѣшникъ наконецъ понялъ, что дѣйствительно можно «быть рабомъ и всѣхъ сильнѣй». Таковъ всегда слуга Христовъ по мысли писателя.

Типъ доктора Гааза, слившись съ еще однимъ типомъ, о которомъ у насъ рѣчь впереди, отразился на изображеніи нѣмца-доктора Герценштубе въ «Братяхъ Карамазовыхъ»: «Его всѣ у насъ въ городѣ очень цѣнили и уважали. Былъ онъ врачъ добросовѣстный, человѣкъ прекрасный и благочестивый, какой то гернгутерь или "Моравскій братъ"... Онъ былъ добръ и человѣколюбивъ, лѣчилъ бѣдныхъ больныхъ и крестьянъ даромъ, самъ ходилъ въ ихъ конуры и избы и оставлялъ деньги на лекарство». Это былъ старый холостякъ души нѣжной и цѣломудренной и «на женщинъ смотрѣлъ, какъ на высшія и идеальныя существа». «Была у него забавная слабость: считать свою русскую рѣчь за образцовую, за лучшую чѣмъ даже у русскихъ. Вслѣдствіе этого онъ очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ... Въ разговорѣ, отъ разсѣянности ли какой, часто забывалъ слова самыя обычныя... и при этомъ махалъ рукой передъ лицомъ своимъ, какъ бы ища ухватить потерянное словечко, и уже никто не могъ бы принудить его продолжать начатую рѣчь, прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова». Какъ старожиль городка, знавшій издавна семью Карамазовыхъ, онъ давая показанія на судѣ, почти единственный изъ всѣхъ свидѣтелей, освѣщаетъ «преступника» (Митю) благопріятнымъ свѣтомъ. Что то теплое, мягкое и глубоко человѣческое слышится въ его словахъ. Онъ говоритъ прежде всего о хорошемъ сердцѣ Мити и что лишь отъ заблужденій и увлеченій произошло его паденіе: «А между тѣмъ, это былъ благодарный и чувствительный юноша, о, я очень помню его еще вотъ

такимъ малюткой, брошеннымъ у отца въ задній дворъ, когда онъ бѣгалъ по землѣ безъ сапожекъ, и съ панталончиками на одной пуговкѣ... Какая то чувствительная и проникновенная нотка послышалась вдругъ въ голосъ честнаго старичка... Затѣмъ докторъ трогательно рассказываетъ о томъ, какъ пожалѣлъ онъ бѣднаго брошеннаго ребенка и купилъ ему фунтъ орѣховъ и научилъ говорить по нѣмецки:

«Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der Heilige Geist».

Вскорѣ Митю увезли изъ города и онъ много лѣтъ не видѣлъ его. «И вотъ, продолжаетъ Герценштубе, прошло двадцать три года, я сижу въ одно утро въ моемъ кабинетѣ, уже съ бѣлою головой, и вдругъ входитъ цвѣтущій молодой человѣкъ, котораго я никакъ не могу узнать, но онъ поднялъ палецъ и смѣясь говоритъ:

"Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der Heilige Geist.

Я сейчасъ пріѣхалъ и пришелъ васъ поблагодарить за фунтъ орѣховъ". И тогда я вспомнилъ мою счастливую молодость и бѣднаго мальчика на дворѣ безъ сапожекъ и у меня повернулось сердце, и я сказалъ: "Ты благодарный молодой человѣкъ, ибо всю жизнь помнилъ тотъ фунтъ орѣховъ, который я тебѣ принесъ въ твоемъ дѣтствѣ". И я обнялъ его и благословилъ. И я заплакалъ. Онъ смѣялся, но онъ и плакалъ... ибо русскій весьма часто смѣется тамъ, гдѣ надо плакать. Но онъ и плакалъ, я видѣлъ это. А теперь, увы...».

— «И теперь плачу, нѣмецъ, и теперь плачу, Божій ты человѣкъ. Крикнулъ вдругъ Митя со своего мѣста».

Герценштубе не разъ появляется въ романѣ, но вотъ именно это его послѣднее большое выступленіе рисуетъ его намъ какъ человѣка исключительной душевной нѣжности; какой то наивной и милой сентиментальностью и человѣколюбіемъ вѣетъ отъ его словъ. Все его выступленіе необыкновенно выдержано Достоевскимъ. Читая его мы не можемъ не улыбнуться, но смѣяться мы не захотимъ. Рѣчь его, построеніе фразъ и нѣкоторые обороты въ родѣ «но я вспомнилъ ему», вмѣсто «но я напомнилъ ему», или «брошеннымъ въ задній дворъ», вмѣсто «брошеннымъ на скотный дворъ», «и я поднялъ мой палецъ» и т. д. все это создаетъ вмѣстѣ съ молитвословнымъ поученіемъ дитяти, особую атмосферу проникнутую скрытой улыбкой самого автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скрытыя въ тѣхъ же словахъ великимъ лиризмомъ высокаго напряженія. Юморъ вѣдь это — «остроуміе глубокаго чувства». Мы подготовлены къ сочувствію доктору, мы знаемъ его какъ прекраснаго человѣка, но кромѣ того авторъ, вдругъ вступая въ свои права даетъ тонъ всей будущей рѣчи Герценштубе упоминаніемъ о «какой то чувствительной и проникновенной ноткѣ въ голосъ честнаго старика». Достоевскій отмѣтилъ въ его обликѣ характерныя, по его убѣжденію, черты лучшаго нѣмца, не забывъ и отрицательныхъ. Тутъ и своеобразный сентиментализмъ и религіозность и любовь къ наставленіямъ и философствованію, и упрямство и порой самолюбіе и хвастливое самоувереніе въ мелочахъ и наконецъ, мысль о значеніи вѣрности, благодарности. Не даромъ и Л. Толстой заставляетъ такъ комично Карла Ивановича говорить о благодарности и о томъ, что худшій порокъ есть Undankbarkeit!

Вторая глава «Дневника Писателя» за 1877 г. посвящена Достоевскимъ еврейскому вопросу. Отвѣчая на обвиненія въ юдофобствѣ со стороны его многочисленныхъ корреспондентовъ, писатель, отрицая эту черту своего характера, разбираетъ самый еврейскій вопросъ и здѣсь, между прочимъ, приводитъ одно письмо «весьма знакомой мнѣ г-жи Л., очень молодой дѣвицы, еврейки, съ которой познакомился въ Петербургѣ и которая пишетъ мнѣ теперь изъ М.»³² Вотъ что она пишетъ:

«Это я пишу подь свѣжимъ впечатлѣнiемъ похороннаго марша. Хоронимъ доктора Гинденбурга 84-хъ лѣтъ отъ роду. Какъ протестанта его сначала отвезли въ кирку, а затѣмъ на кладбище. Такого сочувствiя, такихъ отъ души вырвавшихся словъ, такихъ горячихъ слезъ я еще никогда не видѣла на похоронахъ... Онъ умеръ въ такой бѣдности, что не на что было похоронить его.

Уже 58 лѣтъ какъ онъ практикуетъ въ М... и сколько добра онъ сдѣлалъ за это время. Еслибъ вы знали, Федоръ Михайловичъ, что это былъ за человѣкъ. Онъ былъ докторъ, акушеръ; его имя перейдетъ здѣсь въ потомство, о немъ уже сложились легенды, весь простой народъ звалъ его отцомъ, любилъ, обожалъ и только съ его смертью понялъ, что онъ потерялъ въ этомъ человѣкѣ. Когда онъ еще стоялъ въ гробу (въ церкви), то не было, кажется, ни одного человѣка, который бы не пошелъ поплакать надъ нимъ и цѣловать его ноги, въ особенности бѣдные еврейки, которымъ онъ такъ много помогалъ, плакали и молились, чтобъ онъ попалъ прямо въ рай. Сегодня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бѣдная женщина и говоритъ, что при рожденiи послѣдняго ея ребенка, онъ видя, что ничего дома нѣтъ, далъ 30 коп. чтобъ сварить супъ, а затѣмъ каждый день приходилъ и оставлялъ 20 коп., а видя, что она поправляется, прислалъ пару куропатокъ. Также будучи позванъ къ одной страшно бѣдной родильницѣ (такія къ нему и обращались) онъ, видя, что не во что принять ребенка, снялъ съ себя верхнюю рубаху и платокъ свой (голова у него повязана платкомъ), разорвалъ и отдалъ.

Еще вылѣчилъ онъ одного бѣднаго еврея дровосѣка, затѣмъ заболѣла его жена, затѣмъ дѣти, онъ каждый Божiй день прiѣзжалъ 2 раза и когда всѣхъ поставилъ на ноги, спрашиваетъ еврея: чѣмъ ты мнѣ заплатишь? Тотъ говоритъ, что у него ничего нѣтъ, только послѣдняя коза, которую онъ сегодня продастъ. Онъ такъ и сдѣлалъ: продалъ за 4 рубля и принесъ ему деньги; тогда докторъ далъ лакею своему еще 12 рублей къ этимъ четыремъ и отправилъ купить корову, а дровосѣку велѣлъ итти домой; черезъ часъ тому приводятъ корову и говорятъ, что докторъ призналъ козье молоко для нихъ вреднымъ. Такъ онъ прожилъ всю свою жизнь. Бывали примѣры, что онъ оставлялъ 30 и 40 рублей у бѣдныхъ, оставлялъ и у бѣдныхъ бабъ въ деревняхъ.

За то хоронили его какъ святого. Всѣ бѣдняки заперли лавки и бѣжали за гробомъ. У евреевъ есть мальчики, которые при похоронахъ распѣваютъ псалмы, но запрещается провожать иновѣрца этими псалмами. Тутъ передъ гробомъ, во время процессiи, ходили мальчики и громко распѣвали эти псалмы. Во всѣхъ

³² Городъ Минскъ въ Западномъ краѣ (Примеч. автора).

синагогахъ молились за его душу, также колокола всѣхъ церквей звонили все время процессіи. Былъ хоръ военной музыки, да еще еврейскіе музыканты пошли къ сыну усопшаго, просить, какъ чести, позволенія играть во все время процессіи. Всѣ бѣдные принесли кто 10, кто 5 коп., а богатые евреи дали много и приготовили великолѣпный, огромный вѣнокъ свѣжихъ цвѣтовъ съ бѣлыми и черными лентами по сторонамъ, гдѣ золотыми буквами были вычислены его главныя заслуги, такъ напр<имѣръ> учрежденіе больницы и т. п., я не могла разобрать что тамъ, да развѣ возможно вычислить его заслуги? Надъ его могилой держали рѣчь пасторъ и еврейскій раввинъ, и оба плакали, а онъ себѣ лежалъ въ старенькомъ, истертомъ вицъ-мундирѣ, старымъ платкомъ была повязана его голова, эта милая голова и, казалось, онъ спалъ, такъ свѣжъ былъ цвѣтъ его лица...»

Р. Плетневъ³³.

(Окончаніе завтра)

Окончаніе³⁴

Чрезвычайно характерны разсужденія Достоевскаго по поводу этого письма:

«Единичный случай, скажутъ, чтожъ, господа, я опять виноватъ: опять вижу въ единичномъ случаѣ чуть не начало разрѣшенія всего вопроса... ну, хоть того же самаго "еврейскаго вопроса", которымъ я озаглавилъ мою вторую главу этого "Дневника". Кстати, почему я назвалъ старичка доктора "Общечеловѣкомъ". Это былъ не общечеловѣкъ, а скорѣе общій человѣкъ. Этотъ городъ М. — это большой губернский городъ въ западномъ краѣ, и въ этомъ городѣ множество евреевъ, есть нѣмцы, русскіе, конечно, поляки, литовцы, — и всѣ-то, всѣ эти народности признали праведнаго старичка каждая за своего. Самъ же онъ былъ протестантъ, и именно нѣмецъ, вполне нѣмецъ: манера какъ онъ купилъ и отослалъ бѣдному еврею корову — это чисто нѣмецкій вицъ. Сперва озадачилъ того: "чѣмъ уплатишь". И уже конечно, бѣднякъ, продавая послѣднюю козу, чтобъ уплатить "благодѣтелю", не ропталъ ни мало, а напротивъ горько страдалъ въ душѣ, что всего то коза стоитъ 4 цѣлковыхъ, а вѣдь и бѣдному работающему на нихъ всѣхъ бѣдняковъ старичку тоже вѣдь жить надо, а что такое четыре цѣлковыхъ за всѣ то его благодѣанія семейству.

Ну, а старичокъ себѣ на умѣ, посмѣивается, а сердце горитъ у него: "вотъ же я ему, бѣдняку, нашъ нѣмецкій вицъ покажу". И вѣдь какъ, должно быть, хорошо смѣялся про себя, когда повели къ еврею корову, какъ приободрился духомъ, и пожалуй всю ту ночь можетъ быть, провозился въ нищей лачугѣ какой-нибудь еврейки-родильницы. А вѣдь восьмидесятилѣтнему старичку хорошо бы и поспать ночью, попокоить старыя, усталыя кости. Если бы я былъ живописецъ, я именно бы написалъ этотъ "жанръ", эту ночь у еврейки-родильницы. Я ужасно люблю реализмъ въ искусствѣ, но у иныхъ современныхъ реалистовъ нашихъ нѣтъ нравственнаго центра въ ихъ картинахъ, какъ выразился на дняхъ одинъ могучій

³³ В публикации ошибочно: **В. Плетневъ**

³⁴ См. «Руль» № 3100.

поэтъ и тонкій художникъ³⁵, говоря со мной о картинѣ Семирадскаго. Тутъ, въ предполагаемомъ мною сюжетѣ для "жанра", мнѣ кажется, былъ бы этотъ центръ. Да и для художника роскошь сюжета. Во-первыхъ идеальная, невозможная, смраднѣйшая нищета бѣдной еврейской хаты. Тутъ можно бы много даже юмору выразить и ужасно кстати; юморъ вѣдь есть остроуміе глубокаго чувства, и мнѣ очень нравится это опредѣленіе. Съ тонкимъ чувствомъ и умомъ можно много взять художнику въ одной уже перетасовкѣ ролей всѣхъ этихъ нищихъ предметовъ и домашней утвари въ бѣдной хатѣ, и этой за ба в н о й перетасовкой сразу оцарапать вамъ сердце. Да и освѣщеніе можно бы сдѣлать интересное: на кривомъ столѣ догораетъ оплывшая сальная свѣчка, а сквозь единственное, заиндивѣвшее и обледенѣлое оконце, уже брезжить разсвѣтъ новаго дня, новаго труднаго дня для бѣдныхъ людей. Трудныя родильницы часто родятъ на разсвѣтѣ: всю ночь промучаются, а къ утру родятъ. Вотъ усталый старичокъ, на мигъ оставивъ мать, берется за ребенка. Принять не во что, пеленокъ нѣтъ, ни тряпки нѣтъ (бываетъ такая бѣдность, господа клянусь вамъ, бываетъ, чистѣйшій реализмъ, — реализмъ, такъ сказать, доходящій до фантастическаго), и вотъ праведный старичокъ снялъ свой старенькій виць-мундирчикъ, снялъ съ плечъ рубашку и разрываетъ ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бѣдный новорожденный еврейчикъ копошится передъ нимъ на постели, христіанинъ принимаетъ еврейчика въ свои руки и обвиваетъ его рубашкой съ плечъ своихъ. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса, господа. Восьмидесятилѣтній, обнаженный, и дрожащій отъ утренней сырости торсъ доктора можетъ занять видное мѣсто въ картинѣ, не говоря уже про лицо молодой, измученной родильницы, смотрящей на своего новорожденнаго и на продѣлки съ нимъ доктора. Все это видитъ сверху Христось, и докторъ знаетъ это: "этотъ бѣдный жидокъ выростетъ и можетъ сниметъ и самъ съ плеча рубашку и отдастъ христіанину, вспоминая разсказъ о рожденіи своемъ", — съ наивной и благородной вѣрой думаетъ старикъ про себя. Сбудется ли это? Вѣроятнѣе всего что нѣтъ, но сбыться можетъ, а на землѣ лучше и дѣлать то нечего какъ вѣрить въ то, что э т о сбыться можетъ и сбудется. А докторъ вправѣ вѣрить потому что ужъ на немъ сбылось: "исполнилъ я, исполнить и другой; чѣмъ я лучше другого", подкрѣпляетъ онъ себя аргументомъ. Усталая старуха еврейка, — мать родильницы, въ лохмотьяхъ суетится у печки. Еврей, выходившій за вязанкой щепокъ, отворяетъ дверь хаты и мерзлый паръ клубомъ врывается на мигъ въ комнату. На полу, на войлочной подстилкѣ крѣпко спятъ два малолѣтнихъ еврейчика. Однимъ словомъ, аксессуаръ могъ бы выйти хорошій. Даже тридцать копѣекъ мѣдью на столѣ, отсчитанныя докторомъ на супъ родильницѣ, могли бы составить деталь. Мѣдный столбикъ трехкопѣечниковъ, методически сложенныхъ, отнюдь не разбросанныхъ. Даже перламутръ могъ бы быть написанъ какъ и въ картинѣ Семирадскаго, въ которой удивительно написанъ кусокъ перламутра: докторамъ вѣдь дарятъ же иногда (чтобы не платить много деньгами) хорошенькія вещицы,

³⁵ Скорѣе всего рѣчь идетъ о другѣ Достоевскаго А. Н. Майковѣ, сынѣ талантливаго живописца (*Примеч. автора*).

и вотъ перламутровая докторская сигарочница лежитъ тутъ же подлѣ мѣдной кучки. Нѣтъ, ничего, картинка бы вышла съ "нравственнымъ центромъ". Приглашаю написать.

Единственный случай... Но безъ единичныхъ случаевъ не осуществить и общихъ правъ. Этотъ общій человѣкъ хотъ и единичный случай, а соединилъ же надъ гробомъ своимъ весь городъ. Эти русскія бабы и бѣдныя еврейки цѣловали его ноги въ гробу вмѣстѣ, тѣснились около него вмѣстѣ, плакали вмѣстѣ. Пятьдесятъ восемь лѣтъ служенія человечеству въ этомъ городѣ, пятьдесятъ восемь лѣтъ неустанной любви соединили всѣхъ хотъ разъ надъ гробомъ его въ общемъ восторгѣ и въ общихъ слезахъ. Провожаеъ его весь городъ, звучатъ колокола въ сѣхъ церквей, поются молитвы на всѣхъ языкахъ. Пасторъ со слезами говоритъ свою рѣчь надъ раскрытой могилой. Раввинъ стоитъ въ сторонѣ, ждетъ, и какъ кончилъ пасторъ, смѣняетъ его и говоритъ свою рѣчь и льетъ также слезы. Да вѣдь въ это мгновеніе почти разрѣшенъ да хотъ бы этотъ самый "еврейскій вопросъ". Вѣдь пасторъ и раввинъ соединились въ общей любви, вѣдь они почти обнялись надъ этой могилой въ виду христіанъ и евреевъ. Что въ томъ, что, разойдясь, каждый примется за старые предрасудки: капля точитъ камень, а вотъ эти то "общіе человѣки" побѣждаютъ міръ, соединяя его: предрасудки будутъ блѣднѣть съ каждымъ единичнымъ случаемъ и наконецъ вовсе исчезнутъ. Про старичка останутся легенды, пишетъ г-жа Л., то же еврейка и то же плакавшая надъ "милой головой" человѣколюбца. А легенды это уже первый шагъ къ дѣлу, это живое воспоминаніе и неустанное напоминаніе объ этихъ "побѣдителяхъ міра", которымъ принадлежитъ земля. А увѣровавъ въ то, что это дѣйствительно побѣдители, и что такіе дѣйствительно "наслѣдятъ землю", вы уже почти соединились во всемъ. Все это очень просто, но мудроно кажется одно: именно убѣдиться въ томъ, что вотъ безъ этихъ то единицъ, никогда не соберете всего числа, сейчасъ все разсыплется, а вотъ эти то все соединятъ. Эти мысли вѣру даютъ, живой опытъ собой представляютъ, а, стало быть, и доказательство. И вовсе нечего ждать, пока всѣ стануть такими же хорошими, какъ они, или очень многіе: нужно не много такихъ, чтобъ спасти міръ, до того они сильны. А если такъ, то какъ не надѣяться.

Кто же былъ описанный съ такой любовью и съ такимъ пафосомъ докторъ баронъ Hindenburg? Еще въ бытность нашу въ Россіи мы были очень близко знакомы съ глубокой старушкой Сабиной Самойловой Даніэль, урожденной баронессой фонъ Гинденбургъ. Она была любимицей доктора Гинденбурга и приходилась ему родной племянницей. Отецъ ея, кажется въ началѣ XIX в., переѣхалъ изъ Пруссіи въ Россію и поселился въ большомъ имѣніи «Стадолице» близъ города Минска. Былъ онъ большой баринъ и по образованію лингвистъ. Дочь свою Сабину обучилъ онъ французскому, итальянскому, русскому и латинскому языкамъ; давалъ балы и дѣлалъ приемы гостей. Человѣкъ онъ былъ великодушный и добрый. Дочь его рассказывала намъ, какъ во время отступленія французской арміи въ 1812 г. жалѣлъ онъ замерзающихъ и голодныхъ французовъ и приказывалъ на ночь ставить ѣду въ банѣ, что была поотдалъ отъ дома. Братъ его, описанный Достоевскимъ, былъ по профессіи врачомъ. «Этой профессіей, говорилъ д-ръ

Гинденбургъ, я надѣюсь послужить людямъ». Всю свою жизнь и всѣ свои средства истратилъ онъ на бѣдняковъ, врачуя, помогая и утѣшая «своихъ близкихъ», такъ звалъ онъ всѣхъ паціентовъ. Зналъ онъ и языки, и особенно хорошо — русскій, еврейскій жаргонъ и польскій. На этихъ языкахъ говорило бѣднѣйшее населеніе города и деревень. На вопросы, зачѣмъ онъ трудится надъ изученіемъ языковъ, когда онъ уже бѣгло на нихъ говорилъ, докторъ отвѣчалъ съ удивленіемъ: — «А чтобъ я хорошо могъ утѣшать близкихъ, они очень много несчастны». Говорятъ, былъ онъ врачъ удивительный и необыкновенно счастливый. Его всюду звали, и бывали иной разъ изъ дальнихъ городовъ за совѣтомъ. Случались у него и очень богатые паціенты, платившіе ему весьма много, но все это уходило на бѣдныхъ, на просителей и на сюрпризы бѣднякамъ и знакомымъ. Подходилъ онъ обычно, вспоминала съ умиленіемъ его, нынѣ покойная, племянница, поднималъ вверхъ палець (вспомнимъ Герценштубе, поднявшаго палець, поднося фунтъ орѣховъ) и говорилъ: «А я что то имѣю. Угадай Сабиночка». Часто денегъ у него совсѣмъ не было, и онъ почти голодалъ, тогда и сюрпризы были крошечные, но всегда были. Любилъ онъ всѣхъ несчастныхъ «бѣдняшекъ» какою то неутолимой, ищущей любовью. Былъ тихъ, характеромъ свѣтелъ и радостенъ. Легко очень плакалъ при видѣ бѣдъ и утѣшался, только добившись того, что кого-нибудь «распотѣшилъ», т. е. развеселилъ, облегчилъ. Часто богатые поклонницы, а такихъ было не мало, дарили ему шелковое бѣлье, присылали и постельное бѣлье, зная, что у него ничего нѣтъ. Но все это при первомъ же удобномъ случаѣ переселялось къ «близкимъ». Находили куски шелковыхъ рубашекъ на дѣтяхъ бѣдняковъ, простыни попадали къ кухаркамъ, къ еврейкамъ поденщицамъ. Ничего, кажется, своего у него не было кромѣ сигарочницы, или вѣрнѣе табакерки изъ перламутра, да виць-мундира. Къ бѣднякамъ онъ посылалъ бѣдныхъ рабочихъ, чтобъ они поправили крыши и полы, самъ постоянно ѣздилъ и ходилъ по окраинамъ и высматривалъ и выглядывалъ во время своей врачебной практики о нуждахъ. Былъ у него другъ, богачъ-еврей, лѣсо- и хлѣботорговецъ, по фамиліи Зельдовичъ. Не мало денегъ прошло, говорятъ, отъ Зельдовича черезъ руки «святого доктора» на бѣдняковъ. Зельдовичъ былъ еврей строгихъ правилъ: ходилъ въ долгополой одеждѣ съ ермолкой на головѣ, трэфного не ѣлъ никогда, Гинденбурга обожалъ. Этому самому еврею, другу своему, умирая завѣщалъ Гинденбургъ всѣхъ бѣдныхъ, и до смерти своей Зельдовичъ исполнялъ обѣщаніе и клятву другу. Много множество разсказовъ ходило въ Минскѣ о жизни и дѣятельности «святого доктора», «нашего отца», часть изъ нихъ по памяти и двумъ-тремъ письмамъ мы привели здѣсь.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Достоевскаго къ современной ему Германіи. Не забудемъ, что на его глазахъ выросла Германская имперія, что онъ былъ современникомъ Бисмарка и Мольтке. Не разъ говоритъ Достоевскій о нѣмцахъ въ «Дневникѣ Писателя», но мы коснемся здѣсь наиболѣе характернаго съ нашей точки зрѣнія. Достоевскій подолгу живалъ въ Германіи и присматривался къ народу, многое ему не нравилось, но многое вызывало искреннее восхищеніе.

Образъ этого замѣчательнаго врача-человѣколюбца пріобрѣтаетъ особый интересъ, въ виду исключительнаго значенія, какое завоевала себѣ въ Германіи фамилія Гинденбургъ. По справкамъ, однако, оказалось, что въ семьѣ президента республики неизвѣстно о родствѣ съ минскимъ бар<ономъ> Гинденбургомъ. Не удалось найти положительныхъ указаній въ рукописномъ отдѣленіи государственной бібліотеки, хранящемъ дворянскія родословныя (Stammtafeln des Balthasar König). Президентъ Гинденбургъ носить, какъ извѣстно, еще и фамилію Бенкендорфъ. Изъ этой семьи тоже было много выходцевъ въ Россію, занимавшихъ видные посты.

Р. Плетневъ

Текстологическая справка

Источник текста:

Плетневъ Р. Достоевскій и Гинденбургъ // Руль. 1931. № 3100. 6 февраля (пятница). С. 2–3.

Плетневъ Р. Достоевскій и Гинденбург (Окончаніе) // Руль. 1931. № 3101. 7 февраля (суббота). С. 2–3.

---

* «Руль» — русская эмигрантская ежедневная газета. Выходила в 1920–1931 гг. в Берлине. Редакторы: лидеры кадетской партии И. В. Гессен, В. Д. Набоков. Места хранения: Staatsbibliothek zu Berlin, Государственная публичная историческая библиотека (М.), Российская национальная библиотека (СПб.), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ; М.).

Список литературы

1. Борисова В. В. Общечеловек // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/034> (03.06.2022).
2. Борисова В. В. Интермедиальность в «Дневнике Писателя» Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2013. № 1 (14). С. 55–60 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2013/07/Борисова201311.pdf> (03.06.2022). EDN: QJCOZX
3. Буданова Н. Ф. От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (лексические заметки) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Вып. 13. С. 200–212.
4. Валиев М. Т. Плетнев Ростислав Владимирович // Портал «Школа Карла Мая (Общество друзей школы К. Мая "Майский Жук")» [Электронный ресурс]. URL: https://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2470&ysclid=19475ydqfs684011524 (03.06.2022).
5. Варжапетян В. В. Доктор Гааз. М.: Изд-во францисканцев, 2018. 155 с.
6. Викторovich В. А. Эффект «Пушкинской речи» в русской журналистике // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 2. С. 122–156 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1626095001.pdf (03.06.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362. EDN: DRRVEC
7. Волгин И. Л. Письма читателей к Ф. М. Достоевскому // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 173–196.
8. [Гроссман Л. П.] Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского // Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: материалы, библиография и комментарии. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. С. 54–69.
9. Захаров В. Н. Тобольск, 1850: обретение Книги // Евангелие Достоевского: в 2 т. М.: Русский Миръ, 2010. Т. 1: Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. С. 643–646.
10. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (03.06.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377. EDN: RTXNCP
11. Захарова О. В. Христианский смысл «Пушкинской речи» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 324–336 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1654541371.pdf (03.06.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11082. EDN: XSCYEC
12. [Ипатова С. А.] Неизданные письма к Достоевскому (С. Е. Лурье — Достоевскому) / подгот. публ. и коммент. С. А. Ипатова // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Вып. 12. С. 205–226.
13. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
14. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: в 3 т. / сост. И. А. Битюгова, В. А. Викторovich, Е. И. Кийко, Т. И. Орнатская. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 3: 1875–1881. 614 с.
15. Литинская Е. П. Риторика и поэтика «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 141–175 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1630915640.pdf (03.06.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9583. EDN: BHWXAT

16. Лихачев Д. С. Избр. работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3: Человек в литературе Древней Руси. О «Слове о полку Игореве». Литература — реальность — литература. О садах. 520 с.
17. Мондри Г. Доктор Герценштубе: «общечеловек» или идея растворения иудаизма в христианстве // Мондри Г. Вновь раскрытые литературные пародии. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 29–50.
18. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 588 с. (Описание)
19. [Панюкова Т. В.] Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского / подгот. текста Т. В. Панюковой // Неизвестный Достоевский. 2016. № 2. С. 81–137 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468928687.pdf (03.06.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2741. EDN: WHRTOZ
20. Плетнев Р. В. Достоевский и Гинденбург // Руль. 1931. № 3100. 6 февраля, пятница. С. 2–3. (a)
21. Плетнев Р. Достоевский и Гинденбург (Окончание) // Руль. 1931. № 3101. 7 февраля, суббота. С. 2–3. (b)
22. Плетнев Р. Заметки к статье Д. В. Гришина «Был ли Достоевский антисемитом?» // Вестник русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк; М., 1976. № 1 (117). С. 118–120.
23. Проблемы текстологии публицистики Достоевского (1873–1881): коллективная монография / отв. ред. Т. В. Панюкова. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 936 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128156 (03.06.2022).
24. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова; редкол. Л. В. Алексеева, Е. Н. Вяль, М. В. Заваркина, Т. В. Панюкова, О. А. Сосновская, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128147 (03.06.2022).
25. Сафронова Е. Ю. Мифологема Сибири в художественной антропологии романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского. Материалы международного симпозиума. София, 23–26 октября 2018 г. / под общ. ред. Эмила Димитрова. София, 2021. С. 326–337.
26. Святой доктор Гааз в судьбе России: к 240-летию со дня рождения / [авт.-сост. О. В. Лепявко]. М.: Благовт. фонд соц. поддержки населения «ЭСКО», 2020. 418 с.
27. Снапковский Ю. Н. Штаб-лекарь и акушер Вильгельм Данилович Гинденбург // Здравоохранение: научно-практический ежемесячный журнал. Минск, 2014. № 1. С. 72–80 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21106422_22985513.pdf (03.06.2022). EDN: RTWREP
28. [Соколов Е.] Ростислав Владимирович Плетнев. Из архивов RCI // Блог Евгения Соколова [Электронный ресурс]. URL: <https://esokoloff.wordpress.com/2014/07/30/rostitislav-pletnev/> (03.06.2022).
29. Тихомиров Б. Н. Неизвестный источник биографических сведений о семье А. М. Достоевского — младшего брата писателя // Неизвестный Достоевский. 2018. Т. 5. № 4. С. 185–205 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1549018886.pdf (03.06.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3761
30. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 460 с.

31. Шалина М. А. Антропологическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 209–220 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612794351.pdf (03.06.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044. EDN: SJAUBG
32. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс] // Портал «philolog.petrstu.ru» / ПетрГУ, Международный центр изучения Достоевского (WEB-лаборатория) Института филологии, кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии. URL: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm> (03.06.2022). (ЭНД)
33. Gerigk H.-J. Dostoevskij und Deutschland [Достоевский и Германия] // *Die Slaven und Europa / Herausgegeben von Gerhard Ressel und Henrieke Stahl*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. S. 105–115. (Trierer Abhandlungen zur Slavistik; Bd. 8.)

References

1. Borisova V. V. A Common Man. In: *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics. Dictionary and Reference Book]*. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997. 272 p. Available at: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/034> (accessed on June 3, 2022). (In Russ.)
2. Borisova V. V. Intermedialism in «A Writer's Diary» by Fyodor Dostoyevsky. In: *Kul'tura i tekst [Culture and Text]*, 2013, no. 1 (14), pp. 55–60. Available at: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2013/07/Борисова201311.pdf> (accessed on June 3, 2022). EDN: QJCOZX (In Russ.)
3. Budanova N. F. From “Common Man” to “Russian Wanderer” and “Universal Man” (Lexical Notes). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, issue 13, pp. 200–212. (In Russ.)
4. Valiev M. T. Pletnev Rostislav Vladimirovich. In: *Portal «Shkola Karla Maya (Obshchestvo druzey shkoly K. Maya “Mayskiy Zhuk”» [Portal “School of Karl May (Society of Friends of the School of Karl May “May Bug”)]*. Available at: https://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2470&ysclid=19475ydqfs684011524 (accessed on June 3, 2022). (In Russ.)
5. Varzhapetyan V. V. *Doktor Gaaz*. Moscow, Izdatel'stvo frantsiskantsev Publ., 2018. 130 p. (In Russ.)
6. Viktorovich V. A. The Effect of “Pushkin Speech” in Russian Journalism. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 122–156. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1626095001.pdf (accessed on June 3, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5362. EDN: DRRVEC (In Russ.)
7. Volgin I. L. Readers' Letters to F. M. Dostoevsky. In: *Voprosy literatury*, 1971, no. 9, pp. 173–196. (In Russ.)
8. Grossman L. P. The Notes of A. G. Dostoevskaya to Literary Works of F. M. Dostoevsky. In: *Grossman L. P. Seminariy po Dostoevskomu: materialy, bibliografiya i kommentarii [Grossman L. P. Seminars on Dostoevsky: Materials, Bibliography and Comments]*. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922, pp. 54–69. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Tobolsk, 1850: Acquisition of the Book. In: *Evangelie Dostoevskogo: v 2 tomakh [The Gospel of Dostoevsky: in 2 Vols]*. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2010, vol. 1, pp. 643–646. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2013, issue 11, pp. 150–164. Available at: <https://poetica.pro/>

- files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on June 3, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377. EDN: RTXNCP (In Russ.)
11. Zakharova O. V. The Christian Meaning of Dostoevsky's Pushkin Speech. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 324–336. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1654541371.pdf (accessed on June 3, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11082. EDN: XSCYEC (In Russ.)
  12. Ipatova S. A. Unpublished Letters to Dostoevsky (S. E. Lurie to Dostoevsky). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, issue 12, pp. 205–226. (In Russ.)
  13. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]*. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p. (In Russ.)
  14. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 3. 614 p. (In Russ.)
  15. Litinskaya E. P. Rhetoric and Poetics of Dostoevsky's Pushkin Speech. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 141–175. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1630915640.pdf (accessed on June 3, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9583. EDN: BHWXAT (In Russ.)
  16. Likhachev D. S. *Izbrannyye raboty: v 3 tomakh [Selected Works: in 3 Vols]*. Leningrad, Khudozestvennaya literatura Publ., 1987, vol. 3. 520 p. (In Russ.)
  17. Mondry H. Dr. Herzenstube — “Common Man” or the Idea of Dissolving Judaism in Christianity? In: Mondry H. *Vnov' raskrytye literaturnye parodii [Rediscovered literary parodies]*. Moscow, Publishing company “Vostochnaya literatura” RAS, 1995, pp. 29–50. (In Russ.)
  18. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo [The Description of Fyodor Dostoevsky's Manuscripts]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 588 p. (In Russ.)
  19. Panyukova T. V. The Notes of A. G. Dostoevskaya to Literary Works of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 2, pp. 81–137. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468928687.pdf (accessed on June 3, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2741. EDN: WHRTOZ (In Russ.)
  20. Pletnev R. V. Dostoevsky and Hindenburg. In: *Rul'*, 1931, no. 3100, 6 February, Friday, pp. 2–3. (In Russ.) (a)
  21. Pletnev R. V. Dostoevsky and Hindenburg (The Ending). In: *Rul'*, 1931, no. 3101, 7 February, Saturday, pp. 2–3. (In Russ.) (b)
  22. Pletnev R. Notes to the Article by D. V. Grishin “Was Dostoevsky an Anti-Semite?”. In: *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya [Bulletin of the Russian Christian Movement]*. Paris, New York, Moscow, 1976, no. 1 (117), pp. 118–120. (In Russ.)
  23. *Problemy tekstologii publitsistiki Dostoevskogo (1873–1881) [Problems of Textology of Dostoevsky's Journalism (1873–1881)]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 936 p. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128156 (accessed on June 3, 2022). (In Russ.)
  24. *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo [Manuscript Heritage of F. M. Dostoevsky]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 560 p. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128147 (accessed on June 3, 2022). (In Russ.)
  25. Safronova E. Yu. Mythology of Siberia in the Artistic Anthropology of F. M. Dostoevsky's Novel “The Idiot”. In: *Antropologiya Dostoevskogo. Chelovek kak problema i ob"ekt izobrazheniya v mire Dostoevskogo. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Sofiya, 23–26 oktyabrya 2018 goda [The Anthropology of Dostoevsky. The Man as a Problem and as a Subject of Reflection*

- in the Dostoevsky's World. Proceedings of the International Symposium. Sofia, October 23–26, 2018*. Sofia, 2021, pp. 326–337. (In Russ.)
26. *Svyatoy doktor Gaaz v sud'be Rossii: k 240-letiyu so dnya rozhdeniya [Saint Doctor Haaz in the Fate of Russia: to the 240th Anniversary of His Birth]*. Moscow, Blagotvoritel'nyy fond sotsial'noy podderzhki naseleniya «ESKO» Publ., 2020. 418 p. (In Russ.)
  27. Snapkovsky Yu. N. Headquarters Doctor and Obstetrician Wilhelm Hindenburg. In: *Zdravookhraneniye: nauchno-prakticheskiy ezhe mesyachnyy zhurnal [Healthcare: Scientific and Practical Monthly Magazine]*, Minsk, 2014, no. 1, pp. 72–80. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21106422_22985513.pdf (accessed on June 3, 2022). EDN: RTWREP (In Russ.)
  28. Sokolov E. Rostislav Vladimirovich Pletnev. From the RCI Archives. In: *Blog Evgeniya Sokolova [Blog of Evgeny Sokolov]*. Available at: <https://esokoloff.wordpress.com/2014/07/30/rostislav-pletnev> (accessed on June 3, 2022). (In Russ.)
  29. Tikhomirov B. N. An Unknown Source of Biographical Data About the Family of A. M. Dostoevsky, Younger Brother of the Writer. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 185–205. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1549018886.pdf (accessed on June 3, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3761
  30. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka [The Moscow World of Dostoevsky. From the History of Russian Artistic Culture of the 20th Century]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 460 p. (In Russ.)
  31. Shalina M. A. Anthropological Problems of F. M. Dostoevsky's Creativity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 209–220. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612794351.pdf (accessed on June 3, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044. EDN: SJAUBG (In Russ.)
  32. Epistolary Heritage of F. M. Dostoevsky and His Correspondents. In: *Portal "philolog.petsu.ru"*. Petrozavodsk State University. Available at: <https://philolog.petsu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm> (accessed on June 3, 2022). (In Russ.)
  33. Gerigk H.-J. Dostoevskij und Deutschland [Dostoevsky and Germany]. In: *Die Slaven und Europa [The Slavs and Europe]*. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 2008, pp. 105–115. (Trier Treatises on Slavic Studies; vol. 8.) (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сафронова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва (наб. Макарова, 8, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: 0000-0002-7245-9174; e-mail: esafr@mail.ru.

Elena Yu. Safronova, PhD (Philology), Professor of the Russian Language Department, Russian Military Academy of Logistics Named After A. Khrulev, Engineering Institute (nab. Makarova 8, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7245-9174; e-mail: esafr@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.07.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 09.09.2022

Принята к публикации / Accepted 01.10.2022

Дата публикации / Date of publication 31.10.2022